Владимир Зантариа

СУДЬБА ГЕРОЯ

(документально-публицистический очерк)

Сухум – 2021

УДК 93/94
ББК 63.3(5Абх)6-8
3-27

3-27 Зантариа, В. К.

Судьба героя: Документально-публицистический
очерк / В. К. Зантариа – Сухум: РУП «Дом печати», 2021. – 88 с.
г/р 978-5-111-46-06021

© Зантариа В. К., 2021

«Мирно спи,
спаситель Флага!..»

Уа уҟоуп – иҟанаҵ Уҧсадгьыл!

Ухшыѡ ҷарын, зегьы урызҟазан,
Иуқәмызт хьаҵра, угәы ԥьбаран!
Хақәитҭран ҧсыс иухазгьы, Заза,
Аҧсынтәыла уҧсы аҿҳәаран!

Бираҟҷас ухьӡи, ужәлеи наргоит,
Уѳызцәа жәылара ианцо!
Сышьҭрақәлан, измаҳацгьы ирасҳәоит,
Уҭоурыхқәа сымшынҵа ианҵо!

Уа уҟоуп - иҟанаҵ Уҧсадгьыл,
Уцәаз тынч, ууал нагӡоуп!

Вместо пролога

Проходят годы, десятилетия, стремительный бег времени отодвигает на второй план второстепенное, случайное, как бы незаметно вычеркивая из памяти – стихийное, сомнительное. Тем самым время помогает нам разобраться в главном, существенном, глубже вникнуть в истинную суть событий, прямо или косвенно повлиявших на поступательный ход Ее Величества Истории. Время пропускает через свое огромное решето бурный поток событий, освобождая их от всего наносного, чужеродного.

Муть со временем оседает, как после наводнения и постепенно процеживается смысл происшедшего, пережитого, выстраданного. И никакая современная технология ретуши не способна так ярко восстанавливать подлинный облик и взгляды людей, – кого метафорически мы привыкли называть Солью Земли, – как это умеет делать сила народной памяти.

За 27 лет, отделяющих нас от драмы Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 г.г., сказано и написано не мало. Созданы очерки, книги, фильмы, появляются в прессе интересные воспоминания, в газетах и журналах опубликованы обширные интервью с рядовыми и с генералами. Они, конечно, совершенно разные по стилю и форме раскрытия логики событий. Есть вещи сильные, есть слабые, написанные впопыхах, лихорадочной скорописью. Но, увы, все это – издержки времени и бойкого пера – главное, они есть, а люди рано или поздно сами разберутся в правдивости или лживости тех или иных повествований.

Буквально на наших глазах успела сформироваться публицистика, посвященная нашей Отечественной войне, ее героям, фасадной и невидимой сторонам фронтовых событий.

Лично мне больше импонируют вещи, представляющие собирательный образ войны, ее переломные моменты, психологию, внутренний мир рядового защитника Отечества, взвалившего на свои плечи тяжкое бремя всей борьбы против зла, насилия, агрессии. Думается, есть достаточно оснований предполагать, что теперь уже, по истечении не малого времени, когда есть возможность отделить, как говорится, зерна от плевел, – будут скрупулезнее изучаться не побочные, а главные события, ярче и масштабнее раскрываться образы незаурядных личностей, так или иначе, влиявших на ту или иную ситуацию, на формирование наступательной тактики, боевого духа нашей армии.

При этом, скажем прямо и откровенно, есть «неудобные» герои, о которых даже боевые друзья вспоминают порой с оглядкой, с мыслью о том, «что скажут те или иные начальники», с которыми тот или иной боец был не в ладах? Даже с того света некоторые настоящие воины и командиры мешают некоторым одиозным личностям «строить свою карьеру».

В истории любой войны есть не до конца исследованные события и факты, есть недоговоренности, замысловатые многоточия, всевозможные рукотворные напластования, освободившись от которых, мы, со временем, как неутомимые археологи, докопаемся, говоря словами классика, «до основания, до корней», «до голой сути».

Опальный боец, командир

… Видимо, настало время, когда следует сказать достойное слово еще об одном легендарном бойце и командире, о котором и по сей день многие предпочитают говорить крайне скупо и осторожно, как я уже отметил, с оглядкой по сторонам («авось, кому-то будет не по душе!»). Речь пойдет о Зазе (Астане) Зантария – о замечательном тамышском парне, чье имя, чьи лидерские качества, боевой путь и трагическая судьба неразрывно связаны с процессом становления Абхазской гвардии, а позже – Восточного фронта, с созданием первых серьезных очагов знаменитого Абхазского сопротивления…

Если к кому-то из доблестных абхазских воинов применимо часто используемое ныне понятие «харизма», то, наверное, в первую очередь, и вне всякого сомнения, оно должно быть отнесено к таким волевым, смелым, решительным парням как Заза, который каким-то нутряным чутьем и подсознанием чувствовал, как с наименьшими потерями выйти из самой непредсказуемой ситуации, из любого неожиданного боестолкновения, неравной схватки. Война войной, но характер Зазы, его дух, мужество и решительность, командирские качества, прирожденное чувство упреждать ход событий, достаточно ярко проявились еще задолго до начала военного вторжения Грузии в Абхазию.

Видимо, мало кто знает о том, что Заза и Аслан вместе с двоюродным братом Героем Абхазии Степаном Зантария и близкими друзьями принимали непосредственное участие в защите граждан Абхазии от провокационных действий грузинских национал-шовинистов во время июльских

событий 1989 г. в г. Сухуме. Я видел, как он с друзьями, окончательно убедившись, что никакими политическими решениями, компромиссами, невозможно предотвратить очередную авантюру против Абхазии, действовал решительно 15-16 июля, чтобы воспрепятствовать открытию противоправного Сухумского филиала ТГУ – еще одного очага грузинской экспансии в Абхазии.

Он один из тех, кто, не дожидаясь чьих-либо указаний, создавал в эти дни боевые заслоны в с.Тамыш по недопущению прорыва больших вооруженных групп грузинских боевиков, перебрасывавшихся в спешном порядке в Абхазию на автобусах и других автотранспортных средствах из районов Западной Грузии для поддержки так называемых «неформалов» в их провокационных действиях.

Уже во время грузино-абхазской войны боевых заслуг у Зазы Зантария и группы «Катран», безусловно, было много.

Из воспоминаний Валерия Кезбеевича Зантария, командира 1-й роты Тамышского батальона, бывшего главы Администрации с. Тамыш (награжден медалью «За отвагу», ранен 2-го июля 1993 года, в ходе проведения Тамышской операции):

«…На второй день (после вторжения грузинских войск) со своей группой «Катран», которая была подразделением полка ВВ РА, Аслан Зантария разбил партизанский лагерь возле Кутольской чайной фабрики. Кто узнавал об этом, шел туда, чтобы записаться в его боевой отряд. В том числе и группа Даура (Дыма) Зантария влилась в «Катран». И в те дни «Катран» становится оплотом партизанского движения в этой части Восточного фронта. Руководили движением Аслан Зантария и Владимир Анцупов. Начальником штаба был избран Заза Зантария. Вливались в «Катран» ребята из многих сел: Кындыг, Атара, Адзюбжа, Лашкиндар и др. Здесь, в лесном массиве они получали оружие, конкретное задание. В те дни позиционных боев не было. Фактически мы совершали вылазки на трассу, подрывали мосты, минировали определенные участки, добывали оружие…»

Но особенно весома роль Зазы Зантария в предотвращении захвата грузинскими оккупационными войсками города-героя Ткуарчала – одного из наших главных оборонных плацдармов, находившегося в жестком кольце блокады. У обороны Ткуарчала – своя достойная, воистину легендарная история: без объективной оценки того, что пережили мужественные защитники города горняков, невозможно представить себе предысторию и историю грузино-абхазской войны в целом.

О самоотверженности и стойкости простых ткуарчалцев, легендарного ткуарчалского полка, напишут еще много, тем более что летопись г.Ткуарчал занимает в нашем национально-освободительном движении особое, ни с чем не сравнимое место. Разве можно забыть, например, о том, как во время трагических июльских событий (1989 г.) предусмотрительные и опытные ткуарчалские ребята своими смелыми и обдуманными действиями дали достойный отпор грузинским бандформированиям в Сухуме? Так же решительно действовали они совместно с очамчырцами во время грузино-абхазского противостояния на реке Аалдзга, когда вооруженные многотысячные банды из-за Ингура пытались прорваться вглубь абхазской территории.

Но было бы несправедливо отрывать от документальной летописи города-твердыни имена тех, кто не дал грузинским оккупантам в самом начале войны вторгнуться в него.

Достаточно деликатно, маленькими штрихами, но все же коснулся этого сложного момента известный общественный деятель и участник Отечественной войны народа Абхазии, начальник штаба Ткуарчалского полка, полковник Илья Гамисония. Он отметил значительную роль братьев Зантария, которые «вдохнули в горожан веру в свои силы…», оказав поддержку ткуарчалцам в предотвращении опасного вторжения грузинских войск в город. «…С этого момента, хотя оружие мы получили еще не скоро, началась героическая оборона Ткуарчала», – вспоминает И. Гамисония (актуаль-

ное интервью «Слово – как бикфордов шнур…», газета «Эхо Абхазии» от 27 мая 2008 г., №19, стр.4).

Более подробно эту же ситуацию описывают известный абхазский писатель, лауреат Госпремии им. Д.И.Гулиа ныне покойный Джума Ахуба в романе «Ахамыштыху» («Незабываемое») (Сухум, 1999, стр. 56-57), а также педагог Д.И.Бутба в книге «Восточный фронт», изданной Фондом Первого Президента РА В.Г. Ардзинба. Данная непростая тема затронута и в ряде других газетных и журнальных публикаций.

Потеря Ткуарчала была бы сравнима с потерей основных оборонительных позиций Восточного фронта, без взаимодействия с которым были бы неполноценны стратегия и тактика Западного фронта. В дальнейшем прославленный Ткуарчалский полк героически защищал не только рубежи родного города, но и другие стратегически важные позиции Восточного фронта.

***

Неоценима роль Зазы и Аслана Зантария в освобождении с. Лабра, в прорыве и удержании транспортных коммуникаций в с. Тамыш, контролируемых врагом, в организации диверсионных актов в тылу противника, в создании ремонтно-технической базы по восстановлению трофейной бронетехники в с. Джгярда. Долгое время Заза Зантария являлся зам. Командующего Восточным фронтом и вместе с однополчанами каждодневным кропотливым трудом, четко продуманными разведоперациями приближал нашу священную победу. Однако я хотел бы вновь обратиться к малоизвестным фактам.

Помнится, как уже после войны скромный боец из с. Тамшь Адгур Герхелиа, перебирая в памяти события, вспоминал об отдельных эпизодах, способствовавших срыву планов противника. Под непосредственным руководством и участии Зазы Зантария и Аслана Камкиа (владевших достоверными разведданными), 14 января 1993 года около моста над р.

(Бзана)Тоумыш, в глубоком тылу врага, был пущен под откос грузинский грузовой состав, доставлявший в оккупированный Сухум оружие и боеприпасы. Адгур, как непосредственный участник этой операции, подробно рассказал о том, как Заза собственноручно, не доверяя никому, прочно установил взрывчатки и мины на пути следования поезда. Он же обеспечил силами отчаянных «катрановцев» контроль тех участков железной дороги, откуда в любое время могла появиться грузинская военная железнодорожная охрана.

Позже местные старцы, остававшиеся здесь в оккупации, рассказывали нашим бойцам о том, как, чуть ли не до утра, продолжали взрываться боеприпасы, находившиеся в перевернувшихся вагонах. Всю ночь полыхал огонь у моста над местом взрыва. Этот факт подтверждает генерал-полковник, Герой Абхазии Владимир Ануа. Он говорил нам о том, что внезапные нападения на подразделения противника, диверсионно-разведывательная работа в начале войны и в дальнейшем велась под руководством Зазы Зантария и Аслана Камкия (сокращенно – из книги Екатерины Бебиа «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги», Сухум, 2000).

Обладая незаурядными инженерно-техническими способностями и навыками (имея незаконченное высшее политехническое образование по специальности «вычислительная техника») Заза Зантария с помощью местных слесарей и др. специалистов в полевых условиях смог восстановить и отправить в бой более 10 единиц трофейной бронетехники, умело использованной в боях за Лабру, Тамыш, Цагеру, Кындыг, Тоумыш, Куачару и другие населенные пункты.

Однако об этих достижениях Зазы Зантария и его боевых друзей пишут изредка, как бы вскользь. Было бы наивно и абсурдно не замечать и не отмечать реальных заслуг храброго бойца, участника и руководителя ряда важных наступательных операций, вычеркивать его из многообразной хроники войны в угоду непонятной военно-политической конъюнктуре.

Я обращал внимание на то, что в телевизионной хронике о войне Заза упоминается изредка и лишь промельком. Невольно напрашивается вопрос: почему?.. Почему, человек, имеющий большие боевые заслуги, остается в тени?.. Кому это выгодно? Ведь здравый смысл заключается в том, что объективная история и правильная, беспристрастная интерпретация главных событий нашей новейшей истории, недвусмысленная оценка вклада каждого бойца и командира в победу, дадут новый импульс сохранению наших исторических завоеваний. Более того, такой объективный подход к оценке военной истории чрезвычайно важен и в познавательном плане, особенно для абхазской молодежи, которой, к сожалению, определенные антиабхазские силы пытаются внушить искаженную информацию.

Скажу откровенно: Заза (Астана) Зантария был, остался и после гибели опальным командиром и бойцом Абхазской Армии. В чем же причины подобного неоднозначного отношения к нему? После посмертного присвоения Зазе (Астану) Зантария высшего звания – Герой Абхазии, я встречался с нашим великим лидером Владиславом Ардзинба на его даче в с.Лдзаа. Передал ему слова искренней признательности матери Зазы, Аслана, Астамура Зантария – заслуженного учителя РА Раисы Амичба, матери героев, в связи с тем, что Первый Президент подписал Указ об увековечении подвига и памяти Зазы Зантария. Владислав Григорьевич совершенно спокойно сказал мне, что он не сомневался в героизме Зазы и его братьев-зантариевцев. Он не скрыл от меня, что он давно ждал от наградной комиссии соответствующего представления и в ответ попросил передать Раисе Султановне, огромную благодарность за терпение, мудрость и участие в восстановлении школьного образования. Владислав Григорьевич помнил про ее выступление в Тамышской СШ, куда он приезжал для оказания помощи в ремонте здания сельской школы, пострадавшей от боевых действий.

Да, может быть, Заза Зантария был подчас резок, дерзок, но принципиален и бескомпромиссен по отношению к паникерам и трусам, к тем, кто проявлял слабость и шел на соглашательство с противником, находя себе удобное и безопасное место подальше от линии фронта. Зазу, Аслана и их сослуживцев по полку внутренних войск (речь идет о довоенном периоде) возмущало излишне лояльное отношение некоторых наших чиновников к незаконным грузинским формированиям (которым нередко возвращалось отнятое нашими бойцами оружие). Например, к тем же «мхедриониевцам», начинавшим проявлять здесь свою прыть и наглость задолго до начала войны. И братья зантариевцы вынуждены были принимать порой собственное решение по обезвреживанию грузинских боевиков и диверсантов. Они чувствовали, что если идти на поводу у тех, кто привык любезничать с грузинскими экстремистами, мы могли потерять все. Были моменты, когда кое-кто пытался преподносить действия наших опытных и бесстрашных резервистов, как конфронтационные, чреватые опасными последствиями. Было разное: и мужество, и осторожность, и неверие в идею независимости.

Да, может быть, Заза и Аслан были неудобны, не совсем соответствовали своим характером, жесткостью, неуступчивостью от чьей-либо политической воли и настроения, устоявшемуся представлению о воинах, которые беспрекословно и с солдафонским подобострастием выполняют устав и неукоснительно соблюдают субординацию. Хотя Заза хорошо и непонаслышке знал, что такое казарменный порядок и устав. Он служил в советское время в Латвии, в авиационном полку. Командир части, приехавший с ним в отпуск в Абхазию, высоко отзывался о технических познаниях и способностях своего воина. Когда на Восточный фронт пришла информация о возможности передачи боевого вертолета, встал вопрос о том, кто будет управлять им? Заза, с полной уверенностью сказал, что он готов к выполнению любой задачи на таком летательном аппарате.

…Видимо, ни для кого не секрет, что до войны Заза сидел в грузинской тюрьме строгого режима. Но и там он не сломался морально и психологически, вел себя мужественно, оставаясь до конца самим собой.

В начале войны, когда наш народ лицом к лицу столкнулся с обыкновенным грузинским фашизмом, Заза и его братья Аслан, Степан, Даур (Дым), Астамур,Семен, Аркадий и др. вместе со своими боевыми друзьями по полку внутренних войск смело вступали в неравную схватку с грузинскими оккупантами, сколачивали первые партизанские отряды, подбивали грузинские танки «смесью Молотова», взрывали мосты, пускали под откос вражеские военные составы. Но, к сожалению, об этом сейчас говорят постольку поскольку, как о чем-то, казалось бы, второстепенном. Слава Богу, есть не мало бойцов и командиров, являющихся живыми очевидцами этих решительных действий.

… Вот так, шаг за шагом, создавались первые очаги сопротивления в Очамчырско–Ткуарчалском направлении, имевшем особое стратегическое значение в силу того, что Восточный фронт сдерживал сильный и постоянный натиск врага. В первый же день начала войны, благодаря оперативным действиям первых ополченцев из с. Тамыш, Кутол и др., был взорван мост на реке Тоумыш, в результате чего на некоторое время было прервано продвижение вражеской бронетехники на Сухум. А это в оборонно-стратегическом плане имело большое значение, выбивало оккупационные войска из колеи. Но, увы, об этих моментах почти ничего не говорится в нашей военной публицистике и документалистике в целом.

Жители очамчырских сел своими смелыми действиями и решительностью сдерживали натиск врага, помогая тем самым г. Ткуарчалу усилить свои оборонительные позиции с тем, чтобы потом уже защитники города могли увереннее переходить в наступление. Ткуарчал в свою очередь принимал беженцев из очамчырских сел, мужественно перенося тяготы и лишения, перестраивая свои промышленные

предприятия на военные рельсы, обеспечивая постоянную связь с Гудаутой, с Генштабом и ГКО, контролируя единственный гуманитарный коридор.

Да, не секрет, что в партизанских отрядах были и такие ребята, кто в мирное время имел судимость. Но в суровые дни, когда встал вопрос: «быть или не быть Абхазии?», они шли напролом, совершая чудеса храбрости. Ведь, войну выиграли не только политики, идеологи и штабисты, а те, кто постоянно находились на передовой, сдерживая натиск противника любой ценой.

Самая тяжкая ноша военного времени, все-таки, легла на плечи простых людей – ополченцев- с самыми разными биографиями…На плечи тех, кто решительный призыв Владислава Ардзинба «…Встать на защиту Отечества!» воспринял как приказ, как призыв к действию, святой патриотический и гражданский долг.

«С первых часов войны героически проявили себя братья Аслан и Заза Зантария, Вова Анцупов, Мушни Хварцкия и многие другие ребята», – отмечено в учебнике «История Абхазии», авторами которого являются профессора О.Х. Бгажба и С.З. Лакоба.

В наградном листе, подписанном бывшим Командующим Восточным фронтом, экс-министром обороны РА, генералом армии, Героем Абхазии М.Кишмария и бывшим Комиссаром Восточного фронта, Героем Абхазии Гашеком Адзинба (31.01.2003 г.), на основании которого Комиссия по государственным наградам представила Первому Президенту Республики Абхазия Владиславу Ардзинба единогласное решение о посмертном присвоении Зазе (Астану) Зантария звания «Герой Абхазии», в частности, сказано:

« В первые же дни Отечественной войны народа Абхазии (1992-1993 гг.) Заза (Астана) Зантария смог организовать разведывательно-диверсионную группу «Катран», которая наносила удары по скоплению врагов, взрывала мосты, парализуя тем самым взаимосвязь войсковых подразделений противника…»

Боевая операция

Думаю, что достойна подробного описания одна из важных боевых операций, проведенных под умелым руководством и при непосредственном участии Зазы Зантария. «Он располагал информацией о том, что из Грузии в сторону Сухума направляется большая автоколонна, доставлявшая оружие и боеприпасы. Засаду решено было устроить в с. Тамыш. Со стороны Тамышской школы боевую позицию заняли Владимир Анцупов и братья Роман и Эрик Кортаа. Чуть дальше от них расположились гранатометчик Астамур Эзугбая по кличке «Малыш», Одик Кучбериа, Даур Кокоскир и Слава Кучбериа.

Заза Зантария и его боевой друг Гуадала Бганба успели незаметно перейти шоссейную дорогу и засесть в контролируемом грузинами, но менее подозрительном месте. Решение, конечно, было крайне рискованное, но тактически верное. Вскоре наши бойцы заметили легковую автомашину «Жигули», на которой в сторону Сухума мчались двое грузинских автоматчиков. Владимир Анцупов приказал своим боевым друзьям не стрелять, мгновенно уловив, что это «их разведка», отправленная для зондирования обстановки. Через несколько минут легковушка, резко развернувшись, поехала вновь обратно в сторону Очамчыры. Видимо, грузинская разведка сообщила, что на пути следования автоколонны нет никакой опасности.

Вскоре стал доноситься гул моторов приближавшихся с очамчырской стороны машин. Первым, согласно предварительной договоренности, открыл огонь по автоколонне отважный рекский боец Слава Кокоскир. Вслед за ним однов-

ременно обрушили шквал огня по противнику все бойцы разведгруппы. Начался настоящий переполох. Под ошеломительными ударами, сначала вражеский «КамАЗ» наехал на шедший впереди «УАЗ», а на них – следовавшие за ними «ЗИЛ-ы». Затем два «УАЗ»-а,попавших в эту страшную ловушку, резко столкнулись и один из них перевернулся. В шоке выпрыгивавшие из машин грузинские боевики попадали под точный прицел Зазы Зантария и Гуадалы Бганба. И происходило все это молниеносно.

Наши бойцы не давали опомниться врагам. Убедившись, что со стороны противника теперь уже некому сопротивляться, Заза отдал приказ отступать, захватив оружие и боеприпасы. Надо было торопиться, потому что успевшие ускользнуть от первых выстрелов грузинские разведчики, опережавшие автоколонну на «Жигулях», скорее всего, уже сообщили в штаб о случившемся. Партизаны в мгновение ока собрали 22 автомата и большое количество боеприпасов. В это время на небе появился грузинский вертолет, который стал обстреливать наших «Нурсами». Из с. Кындыг сюда направлялась и грузинская бронетехника. Абхазские бойцы углубились в эвкалиптовую рощу с захваченным оружием и боеприпасами. Во время отступления опытный воин, прославленный спецназовец Владимир Анцупов был ранен в ногу осколком вертолетного «НУРС»-а.» Добытое в бою оружие и боеприпасы были распределены между действовавшими боевыми группами Восточного фронта (сокращенно – из документальной повести Екатерины Бебия «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги» (Сухум, 2000).

«Помимо того,что Заза отличался своими организаторскими способностями, он был еще и мастером на все руки. Я не видел оружия, которым он не владел бы, в конструкции которого он не разбирался бы. Благодаря Зазе, на стратегической высоте Ануаа Рху были установлены два отремонтированных им пулемета. Он также смог установить на БМП

- НУРС-ы. В осуществлении этих технических замыслов ему помогал Аслан Камкиа», – вспоминает генерал-полковник ВС РА, кавалер ордена Леона Владимир Ануа. «Если бы в начале войны не оказались бы на передовой такие решительные бойцы и командиры, как Заза и Аслан Зантария, Мераб Кишмария и Аслан Камкия, то, возможно, на Восточном направлении нашему народу было бы не легко мобилизоваться. Они воодушевили людей, помогли им быстро сорганизоваться и вступить в схватку с оккупантами…», – подчеркивает Владимир Ануа (из документальной повести Е. Бебиа «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги». Сухум, 2000).

Пытливый интерес к знаниям

Заза рос в семье известного в селе Тамыш и в Очамчырском районе крестьянина, опытного земледельца, агротехника Ивана Гиджовича Зантария, связавшего свою судьбу с выпускницей факультета восточных языков Тбилисского госуниверситета, позже – преподавательницей абхазского языка и литературы Тамышской средней школы им. Д.И. Гулиа, заслуженным учителем Абхазии Раисой Тесултановной Амичба. Семья отличалась редким трудолюбием, гостеприимством, общительностью. В этот красивый двор часто заходили, как к себе домой, уважаемые абхазские писатели, журналисты, ученые, педагоги, общественные и государственные деятели. В этом светлом и уютном доме особо ценилась книга – художественная, научно-познавательная. У высокообразованной Раисы Тесултановны была уникальная по тем временам библиотека абхазской, русской и зарубежной литературы. Помню, как Заза и его братья увлекались помимо всего остального детективами. В их библиотеке занимали достойное место книги из серии «Подвиг».

Иван Гиджович, с детства испытавший на себе тяжелые последствия сталинского режима, как племянник репрессированного наркома просвещения, соратника Нестора Лакоба – Баграта Зантария, прекрасно осознавал, что дети должны получить полноценное образование и воспитание. Во имя этого он каждодневно трудился, не покладая рук. Уже с юношеских лет Заза, Асмат, близнецы Аслан и Астамур успели ознакомиться со множеством произведений выдающихся абхазских, русских и зарубежных писателей. Разумеется, особое внимание здесь уделялось абхазскому языку, литературе, истории, традициям. Будучи студентом

Московского литературного института им. А.М. Горького, Аслан успел перечитать почти всего Достоевского, мог рассказывать наизусть целые главы из «Тихого Дона». Успешно пробовал переводить с языка оригинала на русский язык абхазских классиков. Он охотно слушал и мои стихи. На редкость точно оценивал удачи, открыто говорил и о том, что нуждается, на его взгляд, в серьезной доработке. Аслан обладал харизмой от природы, вместе с тем он жадно впитывал в себя что ни на есть самые современные знания (в сфере истории, литературы, философии).

Он дружил с поэтом-добровольцем Александром Бардодымом, который не раз бывал у него дома в с.Тамыш. А в доме самого Саши, как рассказывает мать поэта Маргарита Бардодым, на застольях в кругу однокурсников, нередко тамадой выбирали Аслана, как умевшего отлично блюсти застольный ритуал и традиции. В «минуты душевной невзгоды» Саша, порой, говорил: «Вот возьму и уеду в Абхазию, в полк к Аслану в рекруты!»

Выдающийся писатель Даур Зантария в свое время познакомил Аслана, Астамура, Зазу, Степу с крупнейшим мастером русской прозы Андреем Битовым, который, долгое время находился в Тамыше в доме отца Даура – Бадза Зантария. Думаю многие знают о том, что в начале грузино-абхазской войны русский прозаик открыто выступил в поддержку Абхазии в «Независимой газете» и по радио «Свобода», вспоминая о тамышских ребятах, с которыми ему довелось близко познакомиться накануне трагических событий.

Заза отличался своим широким кругозором, но особый пытливый интерес он проявлял к техническим знаниям. Изобретательность была присуща его мышлению и логике еще со школьного возраста. Он читал много журналов, книг, посвященных проблемам рационализаторства и изобретательства. К тому же прекрасно чертил, рисовал. Позже, в зрелом возрасте, обладая достаточным жизненным опытом и знаниями, Заза совместно со своим зятем, высококвалифицированным физиком, инженером Гарри Канджариа,

усердно взялся за разработку технического проекта по обезвреживанию отходов резинового завода, который был внедрен в промышленных масштабах в г. Балаково – «ПО «Балаковорезинотехника» (Московская область). Совместный проект (установка «Амра») был использован успешно.

В Госкомитете СССР по делам изобретений и открытий два совместных изобретения Г.С. Канджария и А.И. Зантария, представленные в 1990-1991 годах, – («Устройство и способ очистки газа от продуктов сжигания» и « Установка для очистки сточных вод от нефтепродуктов и жира» – были рассмотрены и выданы приоритетные справки.

Заза вынашивал также идеи осуществления новых проектов, нацеленных на улучшение экологической обстановки в Абхазии. Помню как его тревожила ситуация вокруг Кындгской птицефабрики, выбросы которой могли создать серьезные экологические проблемы в прибрежной зоне.

Однако напряженная общественно-политическая ситуация, складывавшаяся в Абхазии в 1991-1992 годах, нарушила намерения и технические замыслы Зазы Зантария. Он пошел в полк внутренних войск РА с братом Асланом, служившим здесь с первых дней создания полка, с той целью, чтобы хотя бы около одного месяца оказать помощь нашим гвардейцам, а затем вернуться в Москву для продолжения работы над новыми инженерно-техническими проектами. Время и суровые обстоятельства внесли свои коррективы в планы энергичного и деятельного молодого человека, по примеру которого в Абхазскую гвардию пошли десятки будущих бойцов – защитников Родины. Наступил период каждодневной кропотливой работы по укреплению военно-технической оснащенности полка, его боевых постов. Заза работал и днем и ночью. Он был одним из тех, кто чувствовал, что война с Грузией, давно уже вынашивавшей агрессивные планы против Абхазии, неизбежна. И делал все для того, чтобы она не застала нас врасплох. Он неоднократно делился со мной своим пониманием складывающейся ситуации, было видно, что воин обладает серьезными разведданными.

Высадка Тамышского десанта

Кавалер Ордена Леона, боевой офицер ВС РА Темур Надарая помнит Зазу по некоторым важным эпизодам войны. Из беседы с ним я смог уточнить важные детали, связанные с действиями Зазы по обеспечению высадки десанта в с.Тамыш. К сожалению, и в этой ситуации многие военные чиновники вспоминают о Зазе как бы вскользь, двумя –тремя словами.

«Я познакомился в Абхазской гвардии с братом Зазы – Асланом Зантария, командиром группы резервистов, который поражал меня не только своим духом и своими редкими волевыми качествами, но и своей начитанностью, эрудицией, высоким знанием военного дела. В этой области, можно сказать без всякого преувеличения, у него были энциклопедические знания, несмотря на то, что он овладевал ими самостоятельно… После его гибели в вертолете, сбитом над Латой, до нас с Восточного фронта доходили разговоры о славных делах его братьев: Зазы, Даура (Дыма), Степана, Астамура, Семена, Аркадия, и других прославленных тамышских бойцов.

Вот, с Зазой Зантария мне довелось познакомиться в июле 1993 года во время высадки того известного десанта, который наш Главнокомандующий Владислав Григорьевич Ардзинба образно сравнил с легендарным подвигом 300 спартанцев, – вспоминает, несколько волнуясь, Темур.

– Командиром десанта, как известно, был Герой Абхазии Заур (Лакут) Зарандиа. Мы приблизились к месту высадки в 5 часов утра. Связь с Восточным фронтом не налаживалась. Встречающая группа должна была подать еще какие-то опознавательные (световые) сигналы, чтобы можно было

визуально ее обнаружить с берега. Командир десанта Заур Зарандиа принял смелое для той ситуации решение, самостоятельно определив место высадки десанта. Первой барже был дан приказ приступить к высадке.

– Второй баржей, груженной оружием, боеприпасами, установкой «Град» командовал я… – вспоминал Т. Надарая. – Командир десанта, видя, что встречающей группы нет, а выгрузка «Града» в этом заболоченном месте практически невозможна, дал мне команду возвращаться обратно. Уже приближался рассвет. Я решил не уходить далеко, чтобы хотя бы увидеть, как пройдет высадка десанта.

Вдруг, где-то через полчаса, неожиданно капитан баржи заметил, как кто-то с берега машет зажженным фонарем по кругу. Я дал команду капитану судна высаживаться именно в том месте, но тот вдруг, несколько усомнившись, говорит мне: «…А может это не наши?» В итоге, немного рискуя, мы все же приняли окончательное решение… Выпрыгнув на берег, я услышал какие-то разговоры с едва уловимым мингрельским акцентом. Меня это насторожило, и я спросил фамилию одного из встречавших?» Он ответил: «Тарба! Из села Река! Из группы Зазы Зантария!» Теперь уже я понял, в чем дело… Зазы в тот момент там не оказалось. Но, смотрю, через некоторое время он подходит. Оказывается, он успел встретить первую высадившуюся группу бойцов, а теперь торопился к нам. Здесь же я успел посочувствовать ему по случаю гибели его брата Аслана. Он поблагодарил меня и добавил строго: «Аслан погиб как подобает герою!»

…С шести утра до четырех пополудни шел бой по уничтожению сил противника, контролировавших коммуникации. Очень долго мы не могли взять здание Тамышской средней школы, где располагались вооруженные до зубов грузинские войсковые подразделения. Заза убедился в том, что здесь нам уже не обойтись без бронетехники, под прикрытием которой мы могли бы начать штурм данного укрепления. И я заметил, как Заза несколько раз успевал ка-

ким-то способом переходить эту линию фронта. В тот день он, как минимум, три раз переходил линию противостояния, доходил до Кутола, где располагался штаб и, решив необходимые оперативные вопросы, возвращался вновь к нам… В результате подоспел танк «Тигр» легендарного экипажа Аика Кесяна и Хвичи Кишмария: и они облегчили нам выполнение задачи!

…Это был бесстрашный и решительный воин и командир! Через некоторое время я услышал трагическую весть о гибели героя. Было обидно до глубины души. Были всякие разговоры: одни его заслуженно возвеличивали, другие, которых он заставлял воевать (что скрывать, иногда даже пинком приходилось гнать кое-кого в бой…) наговаривали на него всякую всячину… Он был моментами, в зависимости от остроты обстоятельств, суров и в то же время человечен, вел себя адекватно той тяжелой военной ситуации, из которой мы вышли с победой благодаря в первую очередь таким смелым и мужественным парням», – таким остался в памяти бойца и командира Темура Надарая Герой Абхазии Заза (Астана) Зантария.

Заза не любил давать интервью тележурналистам. Ему было чуждо позерство. Однако недолгая предсмертная беседа с казаками, прибывшими в составе десанта, записанная военным телеоператором Абхазского ТВ Рамином Каджая, свидетельствует об искренних патриотических устремлениях доблестного защитника сражавшейся Абхазии: «Мы благодарны тем, кто приехал защищать вместе с нами нашу Родину. Вы делаете великое дело. Дай бог, чтобы следующий ваш приезд в будущем был связан только с отдыхом…. Мы желаем вам, чтобы вы приезжали в освобожденную Абхазию. Самое главное: вы боретесь против этой жестокой войны. Россия должна усилить здесь свое влияние… Мы говорим по- русски, тянемся испокон веков к России… Мы будем помнить о вашей помощи. Мы знаем, за что мы воюем. На стороне противника находятся наемники,

которые воюют против нас. Среди них и некоторые россияне и украинцы. За что, за какую идею они воюют? Мне их жалко, а вот вы – за правду, за справедливость! И мы воюем против грузинских фашистов!»

Начальник штаба Восточного фронта, кавалер Ордена Леона,известный абхазский художник Батал Джапуа, любезно предложивший мне записать на диктофон кое-какие эпизоды о Зазе Зантария и его друзьях, подчеркивал, что их характеры, боевой дух, полководческий опыт ковались в экстремальных ситуациях, когда приходилось принимать окончательное решение после детального обсуждения той или иной задачи. – Нередко этот процесс был сопряжен и с нашими внутренними трениями. Но без этого мы не смогли бы создать фронт. В итоге нам удавалось довести до каждого рядового бойца достаточно откорректированные и выстраданные нами планы. Каждый боец должен был знать маневры ведения боя. И чем острее, напряженнее были наши обсуждения, тем проще было на поле боя, – разъяснял Батал, затрагивая интересные нюансы.

– Заза был начальником оперативного отдела и зам. командующего Восточным фронтом, одним из тех командиров – самородков, кто, хорошо зная обстановку и наши реальные возможности, мог в кратчайшие сроки смоделировать в голове ту или иную операцию. Я не оговорился… Расчеты по необходимому количеству людей, оружия, боеприпасов, топлива и т.д. Все это Заза производил в голове …

Блокноты с личными записками Зазы Зантария, с которыми недавно меня ознакомила его сестра Асмат, как бы дополнительно иллюстрируют мысли Батала. Здесь, в этих памятках зафиксировано количество действующих бойцов в различных селах, названия и количество имеющихся в наличии видов оружия, боеприпасов, топлива, фамилии людей, занимающихся проблемами тыла. Данные военнопленных. После слов «горячее питание для боевых позиций» в рабочем блокноте Зазы стоит вопросительный знак,

свидетельствующий о сложностях решения данного вопроса. И самое интересное: предварительные наброски к плану действий диверсионных групп с соответствующими чертежами, схемами и расчетами.

«Такие качества как, допустимая, импровизация, не шаблонность действия, которые были свойственны таким незаурядным личностям как Заза и Мушни Хварцкия, нередко предопределяли успех дела, как,например, в осуществлении крупной Кочарской операции, – спокойно развивал затронутую тему Батал, – Заза и Мушни шли впереди и одновременно успевали управлять, командовать боевыми действиями. Заза не любил собирать людей в штабах, сидеть и долго разжевывать одни и те же мысли. Он был человеком действия, работал в постоянном действенном и оперативном контакте с людьми…

В частности, говоря о плане высадки и встрече десанта, Батал Джапуа говорит, что как только поступил от Главнокомандования приказ под кодовым названием «Буря-667», согласно которому мы должны были осуществить вместе с десантом 1-2 июля 1993 г. мощную боевую операцию, с приказом в режиме строгой секретности были ознакомлены командующий Мераб Кишмария и представитель главного штаба Хухут Бганба. Мы связались по рации с Зазой, он срочно прибыл в штаб. Заза, как и все мы, считал, что в проведении этой операции надо рассчитывать в первую очередь на свои силы, потому что, нельзя было исключать непредвиденных обстоятельств, как и в случае с первым неудавшимся десантом. В итоге была сформирована хорошо вооруженная разведывательно-диверсионная группа в составе более чем 26 человек во главе с Зазой Зантария, хорошо знавшим обстановку в глубоком тылу противника. Это были в основном тамышские и рекские ребята, способные выполнить любую поставленную задачу. Группе удалось, успешно преодолеть много опасных мест расположения войск противника, более чем шестикилометровую

полосу и встретить десант. Мы постоянно поддерживали с ними связь. Были и тревожные моменты, когда мы долго не получали ответов на наши позывные, но впоследствии от Аслана Камкия поступило сообщение (говорил он чуть ли ни полушепотом, опасаясь, радиоперехвата), что группа выходит на берег…

– О Зазе и Аслане Зантария на Восточном фронте знали все. Не нужно было никаких плакатов, лозунгов. Они в рекламе не нуждались. Их знали все… Помню, когда из Минобороны поступил приказ сформировать штаб и руководящий состав Восточного фронта, Аслан,несмотря на мою внутреннюю неготовность и несогласие, буквально настоял на выдвижении моей кандидатуры на одну из командирских должностей. Он действовал сообразно требованиям военного времени. Кстати, наше первое знакомство с Зазой и Асланом Зантария состоялось после удачной Меркульской операции, в результате которой нам удалось захватить две боевые машины пехоты.

Ребят привел к нам в Меркулу Аслан Камкиа, с которым мы росли вместе в Сухумском «Доме актера» (имеется в виду жилой дом напротив ворот Сухумского ИЭПИТА) Слово Аслана Зантария было настолько весомо и значимо, что решения по его предложениям принимались, как правило, безоговорочно.

Бывали, конечно, и неверные решения. Помните, у Наполеона есть выражение «Приказ, контрприказ, беспорядок». И у Зазы иногда бывали такие моменты. Он мог в чем-то ошибиться, как и все мы, но шел до конца и в ходе боевых действий он успевал выправить ошибку, неверное решение. От этих вещей не был застрахован никто из нас. Война есть война. Ситуация складывалась так, что противник вынуждал принять неверное решение или он мог своими действиями превратить твое верное решение в неверное, как в шахматной игре. Но умением исправлять, выправлять ошибки в процессе и побеждать, обладали немногие. Этим

незаурядным качеством и талантом обладали, конечно, наш главнокомандующий Владислав Ардзинба и некоторые наши прославленные полководцы на Гумистинско-Эшерском и Гагрском направлениях», – так оценивает ситуацию Батал Джапуа.

– На Восточном фронте такие способности были у Мушния Хварцкия, Зазы и Аслана Зантария, Мераба Кишмария. Мераб, кстати, это практически единственный военный человек в то время на Восточном фронте, имевший боевой опыт на уровне капитана Советской армии.

А что противостояло Командованию Восточного фронта со стороны противника? Кадровый офицерский состав бывшей советской армии: генералы, генерал-майоры, генерал-лейтенанты, занимавшие высокие посты в военных округах бывшего СССР. Это, конечно, была не шутка…

Заза и Мушни

Сестра Зазы Асмат вспоминает следующий эпизод, касающийся довоенного периода:

– После разоружения грузинской части милиции в г. Очамчыра было очень тревожно за Зазу и Аслана. Обстановка накалялась. Чуть ли ни каждый день распространялись всякого рода разговоры о событиях, связанных так или иначе с их именами и делами. Именно в эту пору мы с моим супругом Гарри как-то встретили однажды в Сухуме на Проспекте Мира Мушни Хварцкия. Помнится, он был в военной форме. И мне захотелось услышать из его уст хоть что-либо о братьях. Мушни был немногословен. Спокойно улыбнувшись, он сказал:

– Я, конечно, очень хотел, чтобы Заза был в моей группе. Но разве за ним угонишься. Он как ураган облетает всю Абхазию…

Многие рассказывают о том, что при освобождении Куачары и поселка Киатуаныриа от грузинских оккупантов 28.11.92 г. Заза оказывал большую помощь Мушни Хварцкия в проведении главной операции. Сначала он принимал участие в боевых действиях со всеми вместе, но когда возникли сложности с уничтожением противника на одном из холмов, где располагалось кладбище, Заза по просьбе Мушни прибыл сюда на восстановленной им же БМП из с. Кындыг. Там он находился с бойцами для предотвращения возможной атаки грузинских войск со стороны Сухума в целях поддержки их кочарской группировки. И Заза лично сам на этой машине вступил в бой с противником, нанося удары с его же тыла по его же

укреплениям, откуда противник вовсе никого и не ждал. Когда, высота была взята, наши бойцы уверенно продвинулись вперед.

В книге «Восточный фронт» отмечено, что крупной, стратегически важной операцией по освобождению Киатуаныриа и Куачары руководили тогдашний нач. штаба фронта Мераб Кишмария, представитель Ген.штаба Хухут Бганба, командиры 1-го и 2-го полков Аслан Зантария, Батал Джопуа. В оперативной информации майора Х. Бганба нач. штаба ВС РА С.А. Сосналиеву от 5.12.92 г. подчеркивались особые боевые заслуги командиров групп «Шаратын», «Берег», «Волк» – Р. Кулаа, М. Хварцкиа, Ш. Басаева, командира экипажа БМП Зазы Зантария, а также командиров других групп Т. Шанаа, Г. Джопуа, Т. Жанаа, Д. Гогиа, Н. Жиба, бойцов из сел Гвада, Джгиарда, Мыку, Лашкиндар.

– При освобождении Куачары, в одном из домов абхазские воины обнаружили скрывавшихся там грузинских оккупантов, – вспоминает участник боев, житель с.Джгиарда Султан Кецба. – Когда они ответили отказом на наше предупреждение сдаться, я ворвался в дом с автоматом в руках. Они взорвали гранату, но я успел выпрыгнуть из окна. Едва успел вскочить на ноги, как сзади на меня набросился враг и мертвой хваткой вцепился мне в шею. И в этот момент совершенно неожиданно кто-то из наших налетел на него как ястреб и прикончил его одним смертельным ударом приклада автомата… Когда я пришел в себя, передо мной стоял Заза Зантария. Благодаря ему, я остался жив.»

В с. Джгиарда, в доме Хакибея Амичба, замечательного человека, делавшего все для того, чтобы поддержать боевой дух наших воинов, располагался военный штаб, который возглавляли Заза и Аслан. Здесь часто собирались командиры подразделений, входивших в 1-й полк. Здесь составляли военные карты, планы предстоящих наступлений, боевых операций.

Друзья-товарищи

Невозможно назвать всех, кто, так или иначе, поддерживал связь с Зазой во время боевых действий, в подготовке наступательных операций, в обсуждении проблем фронта и тыла.

Это Мушни Хварцкиа, Владимир Анцупов, Аслан Камкиа, Резо Гогия, братья Роман, Резо и Эрик Кортаа, Вахтанг (Тарзан) Пилия, братья Одик и Славик Кучбериа, Валерий и Аркадий Чачхалиа, братья Астамур и Даут Езугбая, Владимир Барателия, Мераб Кишмария, Батал Джапуа, Гашек и Геннадий Адзинба, Даур Гургулиа, Владимир Ануа, Адгур Харазия, Хухут Бганба, Джон Гогия, Геннадий Никитченко, Темыр (Джидж) Чагуаа, Бондо Шанаа, Ахра Гопия, Суха и Рома Квициниа, Денуар Асландзиа, Валери Хашба, Лаврик Миквабиа, Зорик Чкониа и многие другие.

«Люди порядочные, преданные Родине уважали Зазу, а непорядочные, подлые боялись его, он был беспощаден к ним. Ему были ненавистны те, кто думал о послевоенной славе, званиях, чинах, должностях или где бы занять «трофейный» дом. Он заставлял их забывать обо всем этом, напоминая о том, что идет война...» – так отзывается о боевом друге генерал Мераб Кишмария (сокращенно – из документальной повести Е.Бебиа «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги»).

Кавалер Ордена Леона Тамаз Гогия, говоря о роли братьев Зантария в сплачивании рядов первых боевых групп, оказывавших сопротивление агрессорам, подчеркивает тактическую выверенность их планов: «...Врага сбивал с толку сам факт существования группы «Катран». Для нашего народа, оказавшегося в беде, на первых порах на «Катранов-

цев» смотрели как на спасителей. Братья Зантария работали очень слаженно, в тесном взаимодействии. И они верили в свои силы и возможности. И это подбадривало и воодушевляло и нас тоже… Созданные в поселке Тоумыш (с. Кутол) партизанские группы время от времени совершали диверсионные вылазки, внезапно выходя на места расположения противника на автомагистрали Очамчыра-Сухум. В основном руководил этими операциями Заза Зантария. Зачастую он сам шел впереди, поднимая дух бойцов. К соображениям Аслана Зантария больше прислушивались при составлении планов наступлений и подборе людей в целях укомплектования штурмовых отрядов. Опыт подсказывал Зазе, что опасно держать компактно бойцов в большом количестве, поэтому он распоряжался разбрасывать их малыми группами, до определенного времени…». (Из книги Е.Г. Бебия «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги…» Сухум, 2000).

«Настоящие бойцы любили его. Он всегда находил с ними общий язык. Подбадривал их. В бою уверенно шел впереди. Всегда сдерживал свое слово перед бойцами. Бывало, что конфликтовал, но в основном, с не воевавшими. Никому не прощал панических настроений. Говорили ведь некоторые: «Напрасно все это. Мы не сможем остановить грузин…» Заза пресекал такие разговоры…» (из воспоминаний представителя штаба ВС РА на Восточном фронте, кавалера ордена Леона Хухута Бганба)

«Если бы Заза был слишком гибок и эластичен, то есть слабохарактерен,то никто не считался бы с ним. Почему из Арасадзыхь, Баслаху, Ткуарчала, из Атары, Кындыга люди приходили по первому зову Зазы, готовые вступить в бой с врагами? Потому что все знали, что он сам жертвовал собой во имя победы. Бойцы верили ему…» (из воспоминаний бойца ВС РА Валерия Зантария, награжденного медалью «За отвагу»).

В числе боевых друзей Зазы Зантария – Бондо Шанава, уроженец с. Агу-Бедиа, служивший в Афганистане, в спец-

назе ВДВ (с тремя боевыми ранениями), награжденный орденом «Красной Звезды», орденом Леона, медалью «За отвагу». Он пишет: «До февраля 1993 г. я находился в группе «Катран» у Зазы Зантария. Его заместителем был Володя Анцупов. В группу входили: Роман Кортава, Резо Кортава, Эрик Кортава, Славик Кучуберия, Одик Кучуберия, Юрий Кучуберия, Зурик Кучуберия. В течение 4-х месяцев участвовал в боях на (оборонительных) позициях с ребятами из с. Тамыш. Участвовал в Тамышской операции по перекрытию центральной трассы на восемь дней. Наша группа стояла прямо перед постом ГАИ в Тамыше и обстреливала трассу. В эти дни мы подбили 2 танка, 1 БМП и около семи легковых автомашин с госсоветовцами…» (Из книги Р.Ходжаа. Путь бессмертия. Сухум, 2003). События, описанные прославленным спецназовцем, атаки на подразделения грузинских войск, происходили в тяжелейших условиях нехватки оружия, боеприпасов. Но и в такой ситуации бойцы под командованием Зазы Зантария смогли нанести противнику значительный ущерб, не давая ему контролировать центральную трассу, обеспечивавшую связь штабов грузинских военных группировок.

Герой Абхазии, кавалер Ордена Леона Кама Ласуриа, вспоминает о первых, тяжелейших днях грузино-абхазской войны: «Все мы, и вооруженные и безоружные рвались вперед, оказывая сопротивление врагам, понимая, что другого пути нет. Однажды, я забежала к себе домой, чтобы успеть, не мешкая, поменять одежду. И как раз в это время началась атака грузинских войск на Лабру. Заза и Аслан без промедления стали собирать жителей ближайших сел, чтобы организовать контратаку. Создалась реальная угроза захвата с.Лабра и вторжения противника в с. Кутол. «На Лабру! Всем на Лабру!» – я слышал, как Заза звал всех к месту опасного прорыва. Не в силах сдержать своего волнения и возмущения, я обратилась к воинам: «Вы зовете нас к сопротивлению, а где взять оружие?» «Кама, ты пойди вперед,

ты женщина, тогда и другие пойдут за тобой!» – обратился ко мне Аслан. Не думала, что он знает меня лично. «Вот автомат, бери, ты и большего достойна, не все мужчины могут проявить такую смелость и решительность, как ты!» – произнес Аслан и вручил мне свой новенький автомат. Видимо, рука у него была хорошая. С этим автоматом я прошла весь боевой путь живой и невредимой!..» (Из книги Е.Г. Бебия «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги…» Сухум, 2000).

Командир батальона, Герой Абхазии Зорик Чкония воспроизводит в памяти эпизоды успешных боевых действий, ставших возможными благодаря взаимодействию с группой Зазы Зантария: «Заза передал нам в с. Кындыг – через Джона Гогия и Эдуарда Лакветава – не мало взрывчатых устройств. Также в ночное время, втайне от противника, его люди доставили нам большое количество амманала. Мне удалось в течение двух дней трижды взорвать железную дорогу, по которой передвигались грузинские войска и их грузы. Через некоторое время он прислал к нам ребят во главе с Темыром Чагуаа. Они передали дружескую благодарность от Зазы и спросили, есть ли у меня боевое оружие? Честно говоря, тогда еще не было у меня оружия. На второй же день он передал мне через Джона Гогия новый автомат с четырьмя магазинами. Были и не совсем удачные моменты. Однажды мы опоздали к назначенному сроку выполнения боевого задания по подрыву вражеского состава. Операцией руководил Заза Зантария. Он, конечно, жестко отругал нас за это, но мы не могли ему возразить ничем, он был прав, мы были виновны в случившемся. Да, Заза был порой суров и беспощаден. Но говорил правду, какая бы она ни была горькая. Через три месяца он приказал мне покинуть со своей группой поселок Липана, потому что теперь уже оставаться там было небезопасно… С первых дней вступления на стезю войны и позже, когда меня назначили комбатом, я старался выходить на связь с Зазой, потому что он всегда подсказывал какую-нибудь новую идею, какой-

нибудь неожиданный ход по выходу из сложной ситуации… Не помню, чтобы он в чем-то допустил грубую ошибку, просчет… В начале войны, откровенно говоря, мало было людей, готовых к отчаянным сражениям… Заза и Аслан были неотступны и в начале и во все периоды нашей Отечественной войны… Никто не может отрицать вклад Зантариевцев в формирование Восточного фронта, в его укрепление…» (Из книги Е. Г. Бебия «Герои рождаются, чтобы совершать подвиги…». Сухум, 2000).

В беседе со мной боец Тамышской разведгруппы (командир – Даур Зантария) Бондо Квасия отметил,что в первые месяцы войны особая заслуга в сплочении людей, в создании очагов сопротивления принадлежит Зазе Зантария и Хупышу Цвинариа. Они никогда не отсиживались, шли в бой, поднимали людям дух. За Зазой шла молодежь. – Когда мы учились в Тамышской средней школе, военному делу нас основательно обучал подполковник Жуланов. Аслан и Заза переняли от него многое, и это здорово пригодилось нам на войне, когда мы столкнулись с необходимостью решать военные задачи…

Свои оценки действий Зазы- Бондо подтвердил словами еще одного тамышского бойца Генри Квасия,который рассказывал ему о том, что во время боевых вылазок Заза всегда шел впереди, неся личную ответственность за выполнение задачи. Когда, бывало, в Ануаа-рху или в других местах обсуждали какие-либо военные вопросы Мушни Хварцкия, Заза, Степа и Даур – наступала тишина, мы знали, что они предпримут какое-либо разумное решение и выведут нас из тупика. – Был момент, что в начале января 1993 года, зимой, когда по колено лежал снег, мне удалось получить информацию о готовившемся трехстороннем нападении на наши позиции со стороны грузинских войск, – вспоминает Бондо Квасия. – Несколько групп, общее количество которых составляло не менее 500- 600 чел., были тайно рассредоточены в нескольких покинутых домах и дворах на ок-

купированной части Тамыша. Многие не поверили, но я смог убедить бойцов в достоверности этих обстоятельств. Заза в это время находился в Ткуарчале и мы с Дедом Пачулия и другими командирами, уважаемыми бойцами, предложили нашим командирам безотлагательно контратаковать противника.

Было принято срочное оперативное решение. В 2 часа ночи силами быстро сколоченных боевых групп,используя гранатометы, мы нанесли неожиданные удары по врагу и обратили его в бегство. Со мной были опытные тамышские бойцы Зураб и Бесик Ануа, Джамбул Дзоценидзе. Вот так удалось предотвратить опасные замыслы противника по окончательному подавлению абхазских боевых позиций.

– Позже Заза Зантария детально расспрашивал меня о том, как мне удалось обнаружить готовившиеся к наступлению грузинские подразделения. Он всегда делал серьезные выводы из результатов тех или иных операций, чтобы предпринять дальнейшие шаги, – говорит Бондо Квасия. – К тому же он был сильнейшим технарем. Помню, как в считанные часы Заза вместе с друзьями поставил в строй захваченную БРДМ, заменив ее поврежденный мотор, вместо которого установил двигатель трактора.

– Точно так же как наш главнокомандующий Владислав Григорьевич Ардзинба был человеком, обладавшим божьим даром, Заза Зантария, на мой взгляд, тоже был на Восточном фронте тем большим авторитетом, природное дарование которого подсказывало ему как действовать в час беды. Я думаю, что если бы Владиславу Григорьевичу хоть один раз довелось бы спокойно пообщаться с Зазой, он бы поддержал его всячески, однако этому препятствовали подхалимы, угодники. Без Зазы и его друзей трудно было бы представить себе судьбу Восточного фронта… – такими словами завершил свой рассказ тамышский боец.

Аслан, Заза, Даур (Дым), Степан, Семен стали такими надежными, признанными и уважаемыми бойцами во время

войны, что вокруг них сплотился почти весь костяк тамышцев в лице замечательного человека, преподавателя физкультуры, кавалера «Ордена Леона» Владимира Барателия и таких отважных бойцов как:

Ануа Владимир, Джумбер, Зураб («За отвагу») Беслан – («Орден Леона»), Роман; Авидзба Руслан; Адлейба Геннадий; Абраванидзе Мурман; Акаба Анзор, Геннадий, Резо; Барателиа Рауль; Бжаниа Гурам, Темур, Тамаз; Векуа Амеран; Гадлиа Роман – («Орден Леона»), Зинаида – («За отвагу»), Роф, Руслан; Гамисониа Астамыр; Габелиа Емзар – («Орден Леона»), Тариел; Габлиа Роман, Даур, Дима, Валерий, Руслан; Гогиа Давид, Михаил; Герхелиа Ахра, Адгур; Ермба Тариел; Есебуа Гиви; Зантария Светлана – («За отвагу»), Семен – («Орден Леона»), Аркадий – («За отвагу»), Астамур, Адгур, Адлер, Анатолий, Батал, Вадик, Валерий, Вахтанг Д., Гарик, Даур Р., Денуар, Игорь Н., Игорь Ч., Илларион, Рамин – («За отвагу»), Роберт, Роман, Рома, Руслан, Славик; Кантариа Нури; Кацба Заур, Клиевский Владислав; Квициниа Аслан; Квициниа Рауль; Квасия Генрих, Геннадий, Бондо, Нугзар; Кутелия Беслан – («Орден Леона»), Джидон – («Герой Абхазии»), Алексей – («За отвагу»), Тенгиз, Стелла, Венор, Борис, Ремиз, Назар, Аслан; Лагвилава Темур – («Орден Леона»); Ломиа Беслан; Маландзиа Беслан; Муратиа Джансух – («За отвагу»), Джамал, Джамбул – («За отвагу»); Маниа Заур, Муртаз; Маланиа Гигла; Папба Беслан; Полозян Валери; Пачулиа Роман, Нырбеи; Пилия Нарт – («Орден Леона»), Владимир; Рацба Владимир, Ахра; Соломко Датико, Тиарбе и Леван; Тарба Мераб, Лев, Эдик – («За отвагу»); Ториа Гамсарат, Юра; Толмачёв Владимир; Феиз-оглы Руслан – («За отвагу»); Хлебников Анатолий, Валериан – («За отвагу»), Игорь; Хвитиа Реваз; Цанба Нодар; Цыцбаа Демур – («Орден Леона»), Амеран; Дзоценидзе Анатоли, Джамбул – («Орден Леона»), Елгуджа – («За отвагу»); Церетели Рамин, Роман, Владимир, Рудик; Чачхалиа Георгий, Ираклий; Чхеидзе Валерий – («За отвагу»); Шинкуба Владимир; Ше-

пилов Юра – («Орден Леона»); Джологуа Вадим – («Орден Леона»), Джамбул; Чанба Робик.

Твердость и непоколебимость Зазы и Аслана,их дух и целеустремленность стали примером для подражания и для тех однофамильцев, кто сражался на Западном направлении. В их числе Герой Абхазии Темур Аксентьевич и Астамур Аксентьевич Зантария, бойцы Темур Валикович Зантария, Зураб, Гела, Роланд, Аркадий (Петрович) Зантария и др.

… Я хорошо помню, когда Герой Абхазии Степан Зантария (он погиб смертью храбрых в Ануаа рху, вступив в открытый бой с наступавшими врагами) прибыл осенью 1992 г.в Гудауту за оружием, боеприпасами и лекарствами для Восточного фронта. Вопрос с лекарствами нам решил без проблем и проволочек полковник Виктор Какалия, занимавший тогда должность коменданта г. Гудаута. А вот за боеприпасами Степан решил обратиться к Мушни Хварцкия, который командовал тогда Гумистинским направлением. Мы встретились с Мушни в подвале помещения бывшего ресторана «Эшера», где тогда располагался штаб фронта. Кстати, привез нас в Верхнюю Эшеру на своей машине удачно подвернувшийся житель с.Мгудзырхуа Вадим Заде.

Мушни приобнял нас, внимательно выслушал Степана, проинформировавшего об обстановке в Очамчырском районе и сам лично выдал ему из склада не мало боеприпасов, сказав, что он наслышан об успехах бойцов Восточного фронта и братьев Зантария. Разговор происходил в присутствии Героя Абхазии Аки Ардзинба, который также живо интересовался делами восточников. И это было понятно, потому что фронты были взаимосвязаны и взаимозависимы. Задача у них была одна.

Я видел, как эмоционального по своей натуре Степу окрылили слова его друга, легендарного полководца Мушни, с которым он был знаком еще по тамышским археологическим экспедициям. Позже в Гудауте Степан подробно рассказывал мне о том, как его непосредственный коман-

дир, Герой Абхазии Даур Зантария «по кличке майор» совершал чудеса храбрости, приобретая в боях богатейший опыт ведения диверсионно-разведывательной деятельности. Под командованием Даура (Дыма) в неимоверных условиях, когда вся трасса простреливалась противником, на прицепе двух тракторов был поднят на Ануаа-рху грузинский танк, подбитый кавалером Ордена Леона Демуром Цыцбаа.

Рассказывал Степан о решительных действиях бойцов группы «Катран»,которой командовали Аслан и Заза.

Всего один день отделяет даты гибели Степана и Даура (Дыма) (2.12 – 3.12.93 г..), которые под непрерывным шквалом вражеского огня, до последнего часа прикрывали отступление своих однополчан.

… Помнится, когда погиб Степан (3 декабря 1992 г.) с его вдовой Ингой Купалба я прибыл вертолетом из Гудауты в Ткуарчал. Встретил нас Заза, который в тот же вечер повез нас в с.Джгиарда. Мы привезли с собой одну канистру бензина, зная, что топливо в блокадном восточном регионе – большой дефицит. Зазу это несколько удивило, сказав, что как-нибудь сам решил бы эту проблему, хотя потом признался, что каждая капля бензина там – на вес золота.

Некоторое время мы стояли с ним перед Ткуарчалским штабом. Угнетенные голодом, холодом, отсутствием информации о внешнем мире, люди подходили и спрашивали об общей обстановке. До них доходили разные слухи о судьбах людей, находившихся на оккупированных территориях. Спрашивали о Таифе Аджба, Владимире Цвинариа и других представителях нашей интеллигенции. Чуть позже, Заза повел нас в жилой дом неподалеку от штаба, где покоилось тело погибшего Мушниа Хварцкиа (погиб 6.12.1992 г. в с. Лашкиндар). Город был погружен в кромешную тьму. Люди оплакивали своего героя при свете тускло горевших свечей. Отдав дань памяти отважному бойцу и полководцу, мы спустились вниз. По пути в Джгиарду Заза рассказывал нам

о суровых буднях фронта. Потом он как-то посетовал на то, что «…еще вчера он пытался вместе с друзьями отправить вертолетом тело покойного Мушни Хварцкиа, но не удалось. Невозможно пробиться через толчею людей к вертолету…

На второй день мы добрались с Джгярды до Кутола, где рядом с сыном известного абхазского поэта, ученого Б.А. Гургулиа – героем войны Абзагу был похоронен Степан. Тамышцы, изгнанные из своего села оккупантами, вынуждены были хоронить своих сыновей в других селах, куда еще не успела ступить вражеская нога. Пока мы оплакивали наших братьев-героев, постоянно шел обстрел поселка Ачааркыт из установок «Алазани» с высоты Ануаа-рху, теперь уже контролируемой грузинскими войсками.

В этот же день я успел подробно обсудить с Зазой ситуацию в восточных регионах. Посадив меня в свою «Ниву» (рядом с собой), на ходу он рассказывал о том, как им удается удержать оборону. Говорил о том, что порой он вынужден просить у населения небольшие дубовые бочки, чтобы, зарядив их аммоналом, взрывать мосты, контролируемые противником. Пока он рассказывал мне о делах, на его позывные постоянно выходили командиры групп с самыми разными просьбами и оперативными сообщениями. Заза был весьма чуток, не оставлял никого без внимания. Всем помогал, чем мог… В те дни шли ожесточенные бои в поселке Тоумыш (с.Кутол). И он,после нашего недолгого общения, помчался туда,к тем, кто нуждался в поддержке.

Героико-романтический образ Зазы, сложившийся из эпитетов одаренного поэта-эзотерика, ополченца, ныне – исследователя абхазской этимологии Руслана Джинджолия, несколько философичен. Я зафиксировал их почти без изменения:

«Лик, плечи, талия, вся осанка бойца и соразмерная им мусукулатура рук и ног, феноменальная по сути его биологическая организация, свидетельствовали о великом потенциале. Духовно-психологическая энергия, которой бог на-

делил Зазу, в высшей степени гармонировала с природой Родины и самого абхазского этноса. Это был воин (к тому же прекрасный художник), умевший прочувствовать момент и использовать его. Его не пугали ни оглоушивавшие выстрелы из РБУ, ни шквал огня, обрушивавшегося из всех видов вражеского оружия…

Он бывал жестким, но умел находить общий язык с людьми, в которых чувствовал родственную его душе энергию. Закономерно и то, что люди, подобные Зазе, Мушни, Аслану могли выделить из своей среды таких ярких выразителей национального духа, как писатель Даур Зантария. А люди,подобные златоусту Дауру, не могли существовать не имея духовной и энергетической опоры, не чувствуя ауры, исходившей от Зазы и его друзей».

Вместо эпилога

Время скоротечно и неумолимо. Жизнь Абхазии, медленно, но напористо входит в мирное и созидательное русло. Вихри новой истории заметают следы грузинской вооруженной агрессии, варварства и вандализма «борцов» за «территориальную целостность» искусственно созданного государства, с непомерными «мини-имперскими» амбициями. Давно заросли бурьяном вчерашние окопы. Но все это остается в памяти, неизбывной и глубокой памяти о людях, не дрогнувших в августе 1992-го перед угрозой наспех сколоченного военного потенциала пресловутого Госсовета. В памяти о тех, кто встретил захваченные в Ахалцихской дивизии советские танки и пушки, с охотничьими ружьями и шайтан-трубой, или вовсе безоружными. Среди тех, кто оказал первое ожесточенное сопротивление оккупантам были легендарные «катрановцы» под командованием Зазы Зантария.

… Ему не суждено было встретить День победы. Вспоминая героя, думая о его трагической судьбе, люди, обеспокоенные социальной несправедливостью, нескончаемыми послевоенными разборками, и многими другими внутренними проблемами государства, иногда говорят вслух: «Если бы остались живы такие смелые молодые люди как Заза, может быть, некоторые приспособленцы не посмели бы вести себя так нагло, цинично и вольготно!»

Да, может быть… Трудно судить обо всем этом постфактум и делать категоричные выводы. Между тем много и других непростых вопросов возникает в связи с этими разговорами на обывательском уровне…

Почему мы, постоянно и высокопарно декларируя мысли о верховенстве закона и права, предаем забвению имена тех, кто не дал растоптать те исторические ценности, ту основу государственности, на которой зиждется наша независимость и свобода?

Я думаю, что вряд ли в ближайшее время кто-то вразумительно ответит нам на эти вопросы. Но рано или поздно справедливость должна восторжествовать. Люди имеют право знать не только о позитивных, но и негативных моментах нашей вчерашней истории, о ее «белых пятнах». Согласитесь, без такого всестороннего и глубокого анализа и оценок наше будущее тоже будет ущербно и неполноценно.

А пока о бессмертии Зазы Зантария, его братьев и друзей, их добрых деяниях нам будет напоминать замечательная сага выдающегося Даура Зантария «Песня о нашем брате»... По ее мотивам, я уверен, когда-либо действительно будет создана популярная бардовская песня, которую будут петь молодые люди, уже не помнящие той страшной смертоносной и опустошительной войны, развязанной во имя некоей мифической (давно уже несуществующей) «территориальной целостности».

...Жаркий бой – его стихия,
Но у ближнего села
Он и спутники лихие
Смерть нашли из-за угла.

Говорят, что брат наш Заза,
Сын отца и бог войны,
По какому-то приказу
Стал виновен без вины.

Мир пришел. Апсны прекрасна.
Но, живя и жизнь любя,

Все же дышим, точно астма,
От свободы без тебя.

Мирно спи, спаситель флага,
Зажигатель всех сердец!
Опустела твоя фляга,
Изрешечен «Мерседес».

Ну, а если будет надо,
Знаем мы, что ты опять
Из эдемового сада
К нам вернешься – воевать!

Владимир Зантария,
Поэт, публицист, доктор филологических наук, академик АНА, Лауреат госпремии им. Д.И. Гулиа, ветеран-национально освободительного движения.

Зантария Астан (Заза) – Герой Абхазии

ЗАНТАРИА АСТАН (ЗАЗА) (20. VIII. 1960, с. Тамыш, Очамчырский р-н – 10. VII. 1993, с. Тамыш, Очамчырский р-н) – Герой Абх. (2003). После окончания Тамышской сш (1977), учился в Новочеркасском геол.-разведочном техн. В 1978 поступил в Тбил. политехн. ин-т (на ф-т электроники и вычислительной техники). В 1980–1981 служил в СА, в лётной ч., в г. Лиепай (Латвия). С 1988 работал по договорам на Рос. предприятиях. Участвовал в июльских событиях 1989, принимая вместе с друзьями действенные меры по пресечению провокационных акций груз. экстремистов в Сухуме и в Очамчырском р-не. С 1991, в связи с осложнением обстановки, вступает в ряды Абх. гвардии (ПВВ РА). В первые дни войны З. предотвратил вместе с братом Асланом и др. бойцами Вост. фр. вторжение груз. войск в г. Ткуарчал, над администрацией к-рого вновь был водружен Гос. флаг РА. С первых дней Отечественной войны народа Абх. З. – ком. группы «Катран», принимал участие в развед.-диверс. деятельности подразделений Вост. фр., направленной на уничтожение живой силы и техники груз. оккупационных войск. Вместе с группой боевых друзей подбил первый вражеский танк на стратег. значимой высоте Ануаа-рху. В с. Джгярда Очамчырского р-на по его инициативе была создана база по ремонту и восстановлению бронетехники (1992–1993). З. вместе с А. Камкиа руководил развед. группой Вост. фр, обеспечивавшей высадку мор. десанта ВС Абх. в с. Тамыш (2 июля 1993). Он принимал неотложные меры на танке

«Тигр» с экипажем в составе – А. Кесяна и Х. Кишмария) по уничтожению основного груз. очага сопротивления, располагавшегося в здании Тамышской сш. З. также успешно осуществил в начале войны боевую операцию по уничтожению в с. Тамыш груз. механизированной колонны, двигавшейся из Очамчыры по направлению к Сухуму. В результате были уничтожены десятки груз. гвардейцев, несколько вражеских транспортных средств, захвачено 22 автомата и большое кол-во боеприпасов, переданных бойцам Вост. фр. Под руководством З. и А.Камкиа 14 января 1993 в с.Тамыш был пущен под откос грузовой поезд, доставлявший в Сухум боеприпасы для груз. армии. З. являлся зам. команд. Вост. фр., был в числе тех, кто вместе с М. Хварцкиа и др. ком. обеспечил успех крупной боевой операции в с. Куачара (местность Киатуаныриа). Он лично атаковал противника на БМП и выбил его с холмов в районе кладбища. В оперативной информации представителя Ген. штаба, майора Х. Бганба нач. штаба С.А. Сосналиеву были отмечены заслуги З. и его экипажа в этой стратег. значимой операции. О роли братьев Аслана и Астана (Зазы) Зантария в формировании Вост. фр. сказано в книге проф. С. З. Лакоба «Абхазия де-факто или Грузия де-юре» (Саппоро, 2001). З. погиб 10. VII.1993. Уголовное дело по факту его убийства (вместе с группой бойцов Абх. армии) не расследовано.

В. К. Зантария

Лит-ра:

Абх. биограф. словарь.М.-Сухум, 2015. С.330; Е. Г. Бебиа. Герои рождаются, чтобы совершать подвиги. Сух., 2000 (на абх. яз.); «Слово как бикфордов шнур…» Интервью с И. Гамисония. Газ. «Эхо Абхазии», №19 от 27 мая 2008 г. В.Зантария. «Мирно спи, спаситель Флага» (документальный очерк). Газ. «Новый День» (№32, 33, 34 от 11, 15, 22 августа 2008).

Зантария Аслан – Герой Абхазии

ЗАНТАРИА АСЛАН ИВАНОВИЧ (29. X. 1961, с. Тамыш, Очамчырский р-н. – 14. XII. 1992, с. Лата, Гулрыпшский р-н) – Герой Абх. (1994). После окончания Тамышской сш (1979) поступил на геогр. ф-т АГУ. В 1980–1982 служил в танковых войсках в г. Кировобаде. После армии работал в с. Тамыш зав. агроотделением эфиро-масличного совхоза, одновременно – преп. трактороведения в шк. В 1983 в составе абх. группы поступил на переводческое отделение Моск. лит. ин-та. Затем работал преп. истории, русского яз. и лит-ры в Тамышской сш. Принимал активное участие в деятельности Нар. Форума Абх. «Аидгылара» (1988). Выступал на I съезде Ассамблеи горских народов Кавк. в Сухуме (1989). Когда началась вооруженная агрессия Груз. против Южной Осетии, развязанная режимом З. Гамсахурдия, З. отправился туда добровольцем. В конце 1991 он вступает в Абх. гвардию (ПВВ). Вместе с боевыми друзьями формирует группу «Катран». Принимает участие в осуществлении операции по выдворению из МВД полк. Г.Ломинадзе, отказавшегося выполнять решение Парламента РА об его освобождении от должности мин. внутренних дел. З. был в числе тех, кто оказал первое сопротивление груз. оккупационным войскам в н. п. Агудзера Гулрыпшского р-на (14 августа 1992). Выбравшись из окружения с оружием и боеприпасами, прибыл с боевыми друзьями в г.Ткуарчал и воссоединился с группой своего брата Астана (Зазы) Зантария. Благодаря усилиям братьев З. и др. бойцов Вост. фр., было предотвращено вторжение груз. войск в г. Ткуарчал и вновь водружен Гос. флаг над администрацией г. Об этом свидетельствует, в частности, публикация нач. штаба Ткуарчалского полка (в период войны) И.Ш. Гамисония (газ. «Эхо Абхазии», № 19, от 27 мая 2008). В качестве команд. Вост. фр., а также команд. направлением Адзюбжа–Лабра, З. вносил достойный вклад в укрепление оборонительных

рубежей и плацдармов Вост. фронта, в подготовку и осуществление решающих наступательных операций. З. непосредственно участвовал в организации развед.- диверс. акций, направленных на уничтожение живой силы и техники врага, оказывал всемерную помощь штабу Вост. фр. Вместе с супругой Н.Сазоновой и боевым другом В. Анцуповым он погиб 14 декабря 1992 в вертолете, подбитом груз. войсками над с. Лата – перевозившем из Ткуарчала в Гудауту детей и женщин.

В.К. Зантария

Лит-ра:

Абх. биограф. словарь.М.-Сухум, 2015. С.329-330; Д.И. Бутба. «Восточный фронт» (в 2-х книгах). Сухум,2005 (на абх.яз.); С.З.Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001.

Зантария Степан – Герой Абхазии

ЗАНТАРИЯ СТЕПАН САМСОНОВИЧ (21. X. 1959, с. Тамыш, Очамчырский р-н – 3. XII. 1992, с. Тамыш, Очамчырский р-н) – Герой Абх. (1995), участник груз.-абх. войны (1992–1993). Рядовой, стрелок. Окончил филол. ф-т АГУ (1981). Работал преп. физ-ры в Тамышской 8-летней шк. (1981–1982), преп. младших кл. в Тамышской сш (1982–1985), на Кындыгской птицефабрике (1985–1989), в коммерческих структурах в Сухуме (1989–1992). Во время Июльских (1989) событий, когда боевики из р-нов Зап. Грузии предприняли попытку прорыва к Сухуму, З. в составе небольшого отряда на р. Аалдзга преградил им путь. Затем он стал одним из активных организаторов отрядов самообороны. После создания полка внутренних войск З. неоднократно выезжал вместе с военнослужащими на охрану границ Абх. С 14.08.1992 З. находился в рядах Абх. ополчения, сражался в составе Та-

мышской группы. 14.08.1992 его группа уничтожила два вражеских танка и живую силу противника. Тамышская группа в первые дни войны, располагая всего 12 единицами стрелкового оружия, стала зачинателем партиз. движения на востоке Абх. В конце сентября 1992 З. штабом нар. ополчения был направлен в г. Гудаута за оружием и боеприпасами. Там он принимал участие в освобождении Гагры. С 15.10.1992 З. вновь находится на Вост. фр., куда он доставил 15 единиц стрелкового оружия, 3 гранатомета, большое к-во боеприпасов и мин. З. вместе с 4 ополченцами заминировал трассу в с. Тамыш в р-не моста Уашпан. В результате были уничтожены одна БМП, автомашина «ТАТРА», автомашина «Урал» и несколько десятков живой силы противника. Установив личной разведкой слабые места вражеской обороны, З. неоднократно водил свое подразделение в тыл противника, в результате к-рых наносились неожиданные и чувствительные удары. Подразделение «Катран» и развед. группа Даура Зантария, в к-рую входил З., совместно с др. группами в течение 22 суток удерживали трассу, не давая врагу возможности доставить в Сухум оружие, боеприпасы и подкрепление. 1-2.12.1992 враг предпринял массированный штурм позиций абх. партизан у местечка Ануаа-рху с тем, чтобы разблокировать трассу. В течение этих дней груз. формирования, многократно превосходившие наших бойцов, предприняли множество попыток захватить высоту: на 20 абх. бойцов наступало несколько сот груз. солдат. Поэтому было принято решение оставить высоту. Степан и Даур Зантария погибли при осуществлении вместе с небольшой группой прикрытия отхода основных сил. Награжден медалью «За отвагу» (1993),

А. Ф. Авидзба

А. И. Джопуа

Лит-ра:

Абх. биограф. словарь.М.-Сухум, 2015. С.335.

Зантария Даур – Герой Абхазии

ЗАНТАРИЯ ДАУР ШОТОВИЧ (6. X. 1957, с. Тамыш, Очамчырский р-н – 2. XII. 1992, высота Ануаарху) – участник груз.-абх. войны, Герой Абх. (1993). Окончил Тамышскую сш (1974), учился в Ленингр. высшем воен.-полит. уч-ще (1974–1975), служил в ВМФ СССР (1975–1978), окончил истор.-юридич. ф-т АГУ по спец. «история» (1985), работал зав. кабинетом общ. наук АГУ (1985–1992). До войны был активистом Нар. форума Абх., служил в Отдельном полку внутренних войск РА (январь–август 1992). Участвовал в охране гос. границы Абх. на реке Ингур. Был в числе тех, кто оказал первое сопротивление груз. войскам в н.п. Агудзера в первый день начала агрессии против Абх. – 14 августа 1992. С первых дней войны сформировал Тамышскую боевую группу, к-рая затем переросла в группу «Катран». Участвовал в боевых действиях в сс. Ануаа-рху, Адзюбжа, Кындыг, Лабра, Наа, Баслаху. Благодаря решительным и умелым действиям его развед. группы, у высоты Ануаа-рху был захвачен груз. танк, использовавшийся для уничтожения живой силы и техники противника. З. имел воинское звание «майор». Пользовался большим авторитетом среди бойцов Вост. фр. и ВС РА.

В. М. Пачулия

Лит-ра:

Абх. биограф. Словарь. М.-Сухум, 2015. С. 335.

Зантария Семен – Герой Абхазии

ЗАНТАРИЯ СЕМЕН САМСОНОВИЧ (1961, с.Тамыш, Очамчырский р-н).

Окончил Тамышскую СШ им. Д.И. Гулиа. Служил в Военно-Морском Флоте (г. Кронштадт). Учился в Новочеркасском

политехническом техникуме, затем – в Сухумском индустриальном техникуме. С первых дней грузино-абхазской войны принимал участие в боевых действиях в составе Тамышского ополчения. После гибели брата Степана Зантария (Героя Абхазии), временно прибыл в г. Гудаута. 2 июля 1993 г. был в составе морского десанта, высадившегося в с.Тамыш и вступившего в бой с грузинскими оккупационными войсками (вместе с бойцами Восточного фронта). После войны работал начальником коммунального управления администрации Гулрыпшского района. Был избран депутатом районного собрания, затем- его председателем. В октябре 2001 г. принимал участие в ликвидации вооруженных бандформирований в Кодорском ущелье. Возглавлял разведгруппу, которая взяла в плен полковника грузинского диверсионно-террористического отряда. Погиб смертью храбрых в перестрелке с террористами. Награжден Орденом Леона.

ЗАНТАРИЯ АСТАМУР ИВАНОВИЧ

(1961, с. Тамыш, Очамчырский р-н)

После окончания Тамышской СШ, поступил в Абхазский госуниверситет (на филол. ф-т). Служил в рядах Советской Армии. С первых дней Отечественной войны народа Абхазии– участник боевого подразделения «Катран». Был одним из руководителей разведгруппы. Вносил свой вклад в укрепление потенциала Восточного фронта. Принимал участие в событиях 1998 г. – в Галском районе, 2001 г. – в Кодорском ущелье. Награжден Орденом Леона.

КАМКИЯ АСЛАН НУРБЕЕВИЧ

(23.03.1965, г. Сухум)

Герой Абхазии (1995). Участник груз.-абх. войны (1992-1993). Был начинающим талантливым кинорежиссером. Во время Отечественной войны народа Абхазии – ст. лейт. запа-

са, ком. Отдела развед. группы. Окончил Моск. кинематограф. ин- т им. С. Герасимова. Работал на Абх. ТВ. С января 1992 находился в рядах ОП ВВ Абх. В составе группы «Катран» неоднократно участвовал в развед.-диверс. мероприятиях(боевых операциях) в тылу противника (на Вост. Фронте). В с. с. Атара, Кындыг, Лабра,Куачара, Тамыш (Ануаарху) и др. Был одним из руководителей организации успешной высадки десанта в с. Тамыш (2.07.1993). Погиб 10.07.1993.

ПАПБА БЕСЛАН АРВЕЛОДОВИЧ

(19.02.1974, с.Тамыш, Очамчырский р-н)

Окончил Тамышскую СШ. Учился в Харьковском политехническом институте. С первых дней Отечественной войны народа Абхазии находился в составе боевого подразделения «Катран». Участвовал в ряде наступательных операций под командованием Зазы Зантария. Погиб 10.07.1993 г.

КОРТАВА РЕЗО СЕРАПИОНОВИЧ

(20.02.1968, с.Река, Очамчырский р-н)

После окончания Рекской СШ, учился в Тбилисском госуниверситете. Однако, почувствовав там нездоровую обстановку, вызванную национал-шовинистическими устремлениями, Р.С.Кортава был вынужден покинуть Грузию и вернуться в Абхазию. Продолжил учебу в Сухумском институте субтропического хозяйства. С первых дней войны находился на передовой в вместе с братьями. Принимал участие в ряде наступательных боевых операций. Погиб 10.07. 1993 г.

(При подготовке биографических сведений о вышеупомянутых участниках Отечественной войны народа Абхазии использованы материалы Абхазского биографического словаря (Москва-Сухум, 2015), а также книги М.Т. Барганджия «Тамыш и тамышцы»(Сухум, 2011).

Рассказ "Об Аслане Камкия" (в сокращенной редакции)

(Сухум 2013- 2018)

Батал Джапуа – художник, лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа, кавалер Ордена Леона, нач. штаба Восточного фронта (с конца 1992 по 1993 гг.).

За эту рукопись меня заставила взяться весть о смерти Нурбея Камкиа. Кто он и чем знаменит, говорить не буду, это и так известно тем, кто хоть малость отслеживает культурную жизнь Абхазии за последние 50-60 лет. Зато немногие знают, что Аслан Камкия, талантливый кинорежиссер, успевший за недолгий срок, что отпустила ему судьба, снять несколько художественных фильмов, боец легендарной группы «Катран», правая рука Зазы Зантария, был родным сыном Нурбея. В связи со смертью отца, о нем также было сказано несколько слов, однако Аслан прожил свою короткую жизнь с таким напряжением и высочайшей самоотдачей, что этого абсолютно недостаточно для того, чтобы новое поколение могло воочию представить себе образ одного из героев Отечественной войны.

За все послевоенные годы о нем практически ничего не сказано, после гибели его забыли, как, впрочем, и многих других, и все, наверное, потому, что много людей погибло, трудно говорить, тем более с расстановкой обо всех погибших. Никого не виню, Бог судья.

Писать я буду о нескольких днях, что провел с Асланом вместе на Восточном фронте. Конечно же, мы встречались нередко по войне, но эти встречи были обычно короткими. Писательское дело мне незнакомо, непривычно, так что бу-

дет тяжело. Однако придется. Конечно же, по ходу повествования я буду описывать разные события и других друзей, которые пересекались со мной в эти дни.

В 1992 году где-то в конце октября, меня перевели в Ткварчал, в распоряжение штаба обороны. Попал в своеобразную пожарную команду. В группу без стабильного личного состава, лишь небольшой постоянный костяк, который находился под рукой тогда еще начальника штаба обороны Кишмария Мираба. Группа по тревоге собиралась из тех, кто оказался рядом, в штабе, городе или проездом. Задачи обычно ставились простые и ясные. Выдвинуться туда, сюда, оказать помощь в отражении нападения, провести разведку и т.д. Так как вооруженных бойцов было еще не так много, нас постоянно перебрасывали с одного места на другое. Иногда выезд проходил вхолостую, чаще заканчивался боем. Связь практически отсутствовала, и мы порой вступали в сражение, не имея реального представления о противнике и происходящем. Последний раз я виделся с Асланом Камкиа после подобного столкновения в середине ноября 1992 года. Мы вместе пошли на проческу местности после боя. Дойдя до крайних домов, что перед выездом, увидели возбужденную группу наших, глядящих в какую-то яму. В ней, на глубине двух метров сидела старушка, вся мокрая от вечерней росы, дрожащая. Она с первыми звуками перестрелки спустилась в эту яму по лестнице. Через какое- то время ее обнаружили грузины, сказали, чтоб не боялась, что не убьют, потому что сама сдохнет, и, вытащив лестницу, выкинули подальше. Так она и умерла бы там, выбраться самой не было возможности. Бойцы, подняв ее, решили разжечь очаг и хотя бы чаем напоить, но обнаружилось, что в доме у всей посуды, годной для приготовления пищи, простреляны днища. Надо же, иметь такие извращенные мозги! Пока удивлялись, Аслан позвал к забору, на один из колов которого кто-то со всего маху нанизал абхазскую апхьарцу. Она была изящная, тонкая и в то же время тем-

ная, почти черная, по-видимому, от бесчисленного касания рук. Аслан сказал, что всегда, когда видел в фильмах про Великую Отечественную кадры, как немчура рвет штыком русскую гармонь или же ломает балалайку, подозревал режиссера в выдумке, плоской метафоре, и что он, если доживет до победы, обязательно снимет фильм и включит в него этот сюжет.

Кажется, в начале октября, с Гумыстинского фронта на вертолете прибыл со своей группой Мушни Хварцкиа, и, не задерживаясь надолго в Ткварчале, ушел на Ануаа-рху. Встретились мы с ним где-то в десятых числах ноября, в Ткварчале, куда он приехал, чтобы встретить борт с оружием из Гудауты. Пока ожидали прибытия, мы подробно поговорили о положении на фронтах, о разных тактических приемах в бою, о том, как брали Гагру и т.д. Вообще, должен сказать, что Мушни, как военный стал для меня открытием. Его решительность была беспредельна, познания в оперативном деле широки и объемны, за короткий срок он приобрел богатейший опыт и в тактике боя. А еще лучше он знал психологию людей, абхазов и грузин, их моральные и волевые качества, и при планировании какой-либо операции, всегда учитывал фактор воли противостоящих. Абхазов он считал древней нацией, людьми длинной воли, для которых время не имеет значения, потому что оно проходит мимо них, и потому, по его утверждению, борьба – это наша доля. Было у него еще одно удивительное качество, которому я завидовал по-черному. В обстановке неразберихи, хаоса, когда все кричат и никого не слушают, и, кажется, катастрофа неминуема, Мушни мог заговорить вполголоса и все тут же затихали. Такое я видел 11 октября, после провала наступления на Очамчиру, когда замерзшие, до смерти изможденные бойцы, набились в разбитый дом и устроили между собой разборку, типа, кто виноват? Ко всему прочему, кто-то «сердобольный» притащил несколько бутылок водки, так сказать, для согрева бойцов. И понеслась! Крик

и ругань, поиск виновных, эмоции зашкаливали. Все усугублялось еще и полной темнотой, царившей в помещении, изредка освещаемой огоньками от самокруток. Эмоции достигли своего пика и тут, как-то по очереди бойцы начали замолкать, и все четче стал слышен чей-то голос, тихий, деловой, успокаивающий. Кругом начали чиркать спичками, пытаясь разглядеть говорящего, и когда стало немного светлее, я увидел сидящего в углу Мушни, с незажженной сигаретой в руках. Через секунду наступила полная тишина, боевики, которые минуту назад готовы были разорвать друг друга, молча слушали, только несколько раз раздался громкий шепот «Мушни иоуп!» и к концу речи, все уже знали, что делать и как действовать дальше.

Наконец прибыл борт и в сопроводительном документе на получателя оружия к моему удивлению оказался и я. Мне выдали здоровенный СПГ-9 со снарядами, а Мушни АГС «Пламя», противотанковые мины и боеприпасы. Мы оба были обескуражены. Я – потому что чурался всего тяжелого, да еще и станкового, не по моим нервам оружие. Мушни, потому что своей главной задачей считал уничтожение бронетехники, а АГС для этого никак не годился, он для уничтожения пехоты, легких укрытий, ну и по колесной технике разве что можно. Мы тут же решили обменяться оружием, хотя честно говоря, мне и АГС также был незачем. Где бы я на этого обжору боеприпасы достал? Мушни же, в свойственной ему манере пошел еще дальше, предложив мне со своим добром отправиться с ним на Ануаа-рху. Аргументировал он это предложение тем, что я сейчас свободен, а там много работы, нужна разведка, противник прямо на носу, позиции наши хорошие, есть возможность контролировать огнем центральную трассу, а иногда и перекрывать ее полностью. Ну и АГС там будет кстати. Все было логично. Отпросившись у начальника штаба и быстро собравшись, я уже через пару часов трясся с Мушни в кузове КАМАЗа, выстланного кукурузной чалой. В чале, помимо нас, лежали

всевозможные боеприпасы и оружие, а к форкопу грузовика была прицеплена пушка Д-44, которую восточникам удалось отбить у грузин во время их нападения на Атару где-то в начале октября.

Честно говоря, я давно хотел попасть на Ануаа-рху, но никак не получалось, в гости не поедешь, не то время, а на помощь они не звали никогда, такого не помню. Привыкли справляться своими силами. К тому времени слава об Ануаа-рху и ее защитниках гремела без преувеличения по всему миру, это название практически ежедневно звучало в наших военных сводках, и новостях ведущих мировых СМИ. Именно с этой сопки наши бойцы не давали возможности врагу стабильно и бесперебойно пользоваться центральной автотрассой и железной дорогой. Постоянные вылазки и диверсии наносили ощутимый урон в технике и л/с, прерывали движение на несколько дней и более. Несколько попыток противника штурмовать Ануаа-рху были отбиты. После войны один из наших генералов, который сражался на Гумыстинском Фронте и понятия не имел, что собой представляет эта небольшая возвышенность, увидев ее воочию, поразился. Думал, что она огромная, с крутыми склонами, а тут на тебе, холмик вдоль дороги, проедешь, не заметишь! И правда, Ануаа-рху, это сопка высотой от уровня моря метров 40-50, а если считать от уровня центральной дороги, то еще меньше, 20-25 метров. Вытянута она с юга на север, перпендикулярно трассе, примерно на три км, а в ширину, вдоль трассы, около одного км. Самым удачным, по-моему, было то, что боевой и географический гребень высоты, что шел по южному, обращенному к трассе склону, совпадали. Линия обороны в виде окопов в полный профиль и блиндажей в несколько накатов шла по этой высоте с перерывами по длине гребня. До трассы было всего от 150 до 300 метров, идеальная дистанция для действенного огня. В глубине шла еще одна линия обороны, которая перехватывала сопку в самом ее узком месте окопом и блин-

дажом с ходами сообщений. Снаряды пушечные, танковые и «Града» были не страшны, так как взрывались на склоне или перелетали, а от гаубиц и минометов спасали крепкие блиндажи и окопы в полный профиль. Может быть существовали еще какие-то причины, по которым грузины, имея значительное превосходство во всем, не могли так долго, почти 4 месяца, подавить оборону Ануаа-рху, не знаю. Помню даже как они вывели в море некое плавсредство, установив на нем гаубицы для обстрела сопки. Одно точно знаю, что потери от артогня, который противник вел практически ежедневно, были минимальные.

Несмотря на все положительные моменты, которые давала местность, идея оборонять эту сопку могла прийти в голову только самым отчаянным смельчакам, презиравших такие мелочи как реальность, соотношение сил и ресурсов, военную науку, и т. д. Таковыми были, конечно же братья Зантария, их односельчане и группа «Катран». К ним примкнули самые отважные бойцы со всего Очамчирского района и города Ткварчал. На этой сопке воевали ребята, которые в дальнейшем стали отличными командирами, прославленными воинами. Война свела в этом месте таких людей, как Аслана, Зазу, Астамыра, Дыма, Степана, Батала Зантария, Славика Кучуберия, Аслана Камкиа, Мушни Хварцкиа, Темура Чагуаа, Важу и Мушни Ашуба, Гашека и Бау Адзынба, Гырджынба Тенгиза, Ануа Вову, Демура Цицибава, Мераба Парулуа, Гурама Енука, Асланбека Сангулиа и многих, многих других, тут не напишешь о всех. Удивительно, как они умели между собой договариваться, не конфликтовать, ведь сильные личности всегда, по любому поводу имеют собственное мнение.

Вот в такую звездную компанию мне предстояло попасть в ноябре далекого 92 года, а пока мы с Мушни, лежа на кукурузной чале среди пушечных снарядов, тряслись в кузове, где-то между Гвадой и Джгердой и о чем-то говорили, не о войне, о всяком разном. Запомнилось, что когда

проезжали некую красивую сопку, поросшую грабовыми деревьями, где-то перед выездом на асфальтовую дорогу, ведущую в Кутол, Мушни указал на нее и сказал – Видишь ее? Это курган! Могильник знатного апсила. После войны обязательно тут раскопки проведу!

Где-то в центре Кутола стемнело, ехали глядя в небо. Звезд было много и близко, настроение и обстановка не предполагали ничего, кроме задумчивого созерцания и глубокомысленного молчания, этакого киношного штампа, как вдруг Мушни спросил, знаю ли я немецкий язык? И если да, то как будет по-немецки «Собака бежит по дороге?» Само собой, я изучал его в школе, но как говорится, ни в зуб ногой! Я был сбит с толку, ломая голову, чтоб выстроить некую логическую цепь между нелепым вопросом и окружающей действительностью, и тут Мушни как выпалил: «Дер Тузик шпиздохен по штрассе!!!» Думаю, мой истеричный смех кутольцы надолго запомнили. Это был первый анекдот, который я услышал с начала войны.

По прибытии на Ануаа-рху меня расквартировали в какой-то пристройке большого дома, что-то типа навеса. Там было еще с десяток бойцов, абхазы и, кажется, около 10 дубоссарцев. В действительности они были из Питера, добровольцы, которые приехали в Абхазию, даже не успев отдохнуть после приднестровской войны. Саша Архипов, Миша Демьянов, Саша Радченко, Бодинов Андрей, Баканов… Они прибыли с Гумыстинского фронта вслед за Мушни, которому доверяли, уважали, и выполняли его распоряжения беспрекословно. Они были заняты сборами, видимо, собираясь куда-то выдвигаться. Я немного послонялся, поозирался по сторонам, думал, может, где Аслана увижу, но, увы, сказали с Зазой уехал по делам.

Задачу Мушни мне поставил простую: выдвинуться в сторону противника, в район Киндгской фермы, это где мост через Тоумыш, устроиться там незаметно и вести непрерывное наблюдение в течение светового дня. Важным

было выяснить, какие позиции у грузин от моста вправо, вдоль дороги до с. Кындыг. Такое задание мог выполнить любой местный боец, и я сказал Мушни об этом. Однако он повторил просьбу-приказ, и я согласно кивнул головой, подумав, что без основания он не настаивал бы. Так как я не знал местность, Мушни повел меня на правый фланг, чтоб ознакомить с нею, дать ориентиры. Не выходя из-под деревьев, мы осматривали пространство. Через некоторое время к нам с тыла подошел Заза Зантария, а Аслана с ним не было. В черном катрановском берете, затянутом ремешком под подбородком, весь в оружии и ремнях, рослый и подтянутый, с властным лицом, он внушал почтение. Я первый раз видел его так близко, и он произвел на меня сильное впечатление. Хотя, мне показалось, что вел он себя со мной несколько надменно, свысока. Много позже, 1 января 93 года, я увидел его на ремонтной базе в Джгярде, и понял, что ошибался. Он был совсем другим, настоящим.

Было раннее утро и очень холодно, кругом ни души, лежал глубокий нетронутый снег, доходящий до колен, тишина. Даже собаки не лаяли. На душе было мерзко. Прямо сейчас, в эти минуты, рушился наш правый фланг. 31 декабря, часть пятого Атарского батальона «Удав» под давлением врага, неверно оценив обстановку, что привело к невозможности организованного сопротивления, отошел со своих позиций, и спустился через Мандару прямо в Джгярду. О судьбе его соседа, Адзюбжского 1 батальона ничего не было известно, с ним прервалась связь. В их поисках я и оказался около ремонтной базы. Под навесом вокруг потухшего костра, спали прижавшиеся друг к другу, наполовину припорошенные снегом уставшие ремонтники. А среди них, все так же подтянутый и при оружии сидел Заза, и окоченевшими руками, шил какой- то маленький продолговатый мешочек из белой ткани. В его огромных руках иголку почти не было видно. Перехватив мой недоуменный взгляд, предупредил меня жестом, чтоб я невзначай не разбудил спящих. Затем

кивком головы усадил меня рядом. Придвинувшись, шепотом начал объяснять, что этот мешочек нужно заполнить силикагелем и уложить под тримплекс БМП, чтоб тот не запотевал при морозах, но селикагеля нет, и можно соль, так как в наших условиях… и так далее, и тому подобное, а я уже не слушал, а разглядывал шов, тамбурный, четкий! Он вообще в курсе, что происходит?! Тут все к черту летит, может враг уже Мандару прошел и вот-вот будет в центре Джгярды, а заместитель командующего Восточного фронта шьет мешочек!!! Он же, как ни в чем ни бывало, продолжал говорить и сосредоточенно шить, словно давая понять, что не происходит ничего непоправимого. И я подумал, что он все уже знает, что необходимые действия уже совершены, решение принято. Через час Атарский батальон молча стоял перед ним в строю и на его горький упрек в трусости никто не ответил, только Адгур Какоба, командир роты «Амра» отстегнул от автомата рожок и протянул Зазе. Рожок был пуст. Не сказав больше ни слова, он отдал распоряжения и, спустя некоторое время, получив мизерное количество боеприпасов, атарцы, тамышцы, и мы все, кто оказался под рукой, облепив «УРАЛ» и БМП, над которым реял абхазский флаг, неслись сквозь глубокий снег в Атару, возвращать утерянные позиции.

Таким он и врезался в мою память, одиноко сидящим, в огромном, белом и безмолвном пространстве, с маленьким мешочком в замерзших и грязных от смазки руках. И всякий раз, когда о нем заводят речь друзья и недруги, и просто сторонние, несведущие люди и говорят разное, именно этот образ встает у меня перед глазами… Кому объяснишь? Внимательный ко всему и всем, тактичный и одновременно жестокий Заза, Бог Войны…

Коротко познакомившись со мной, он выслушал Мушни, и сказал, что любой его боец выполнит эту работу почище старлея, то бишь меня. Потом довольно небрежно сунув мне в руки свой РПК-74 с оптическим прицелом, начал ука-

зывать на цели и ориентиры, а я, прижав оружие к плечу, автоматически начал выполнять его указания. Через некоторое время я пожалел, что забыл свой бинокль в рюкзаке. Оружие от долгого держания на весу начало ходить в руках, а я ведь тоже пытался выглядеть молодцом. Хотя вид мой был далеко не таков; брюки афганки, сверху черная кооперативная куртка, подбитая жидким синтепоном, на голове армейская кепка. Все заношенное. Единственная гордость, армейские ботинки с высоким берцем, кожаные, крепкие! Наконец пошли назад, к своим местам. День прошел в подготовке, я выпросил у кого-то ОЗК, чтоб не мокнуть на сырой земле или вдруг дождь, и немного трассирующих патронов. По парочке трассеров уложил в конец каждого магазина, 25 и 26 патроном, чтоб при стрельбе было видно, когда закончится обойма. Раздобыл также тетрадь и ручку, чтоб вести запись наблюдений и несколько сигарет сухумской «полосатой» ПРИМЫ. Еще нужен был острый нож, чтоб колючие заросли проходить, но никто не уступил, а мой штык-нож был стандартно туп. Еду с собой просить не стал, видно было, что тут негусто, решил потерпеть денек. Лег спать часа в четыре дня, долго ворочался, прислушивался к разным звукам, разговорам, и наконец, уснул. Проснувшись от толчка дежурного, быстро собрался, и тихо перешагивая через спящих бойцов, вышел во двор. На часах начало третьего, было холодно. Рядом с домом находилась апацха, внутри которой горел очаг. Захотелось зайти и хоть немного погреться у живого огня. Внутри никого не было, на женской половине стояла кастрюля с тестом, на железной треноге сковорода, а на низком столе тарелка с несколькими, только что пожаренными кукурузными блинчиками, каждая величиной с ладонь. Видимо хозяйка дома с ночи готовила, чтоб утром накормить бойцов. Очень соблазнительные блинчики! И размер что надо! Оттуда, куда я шел, можно было незамеченным вернуться только следующей ночью. Значит день без еды, ну да ладно. Хотя, если блинчи-

ков было бы побольше, парочку все же прихватил бы. Сидя у костра еще раз не спеша проверил наличные вещи. Итак, у меня было: АК-74 с примкнутым магазином и жгутом на прикладе, на поясе подсумок с еще 3 полными магазинами, одна Ф-ка и одна РГД-5 в подсумке, маленькая аптечка, сделанная из коробки от электробритвы «Харьков» красно-коричневого цвета, с одним бинтом и порошком стрептоцида, штык-нож от АКМа, фляга с водой. На шее артиллерийский бинокль, тугая скатка ОЗК, по карманам блокнот, ручка, часы для фиксации времени, трехцветный фонарик железнодорожника - подарок Валеры Делба и три сигареты «Прима» со спичками.

На подходе к передовой, увидел две смутные фигуры. Мишу Демьянова, добровольца из Питера, я узнал сразу, так как был с ним знаком через Мушни еще до войны. А вторым был Роман Пачулиа, его я видел впервые. Он был из местных, тамышский. Рассказывали, что как-то вначале войны, грузинский танк безнаказанно углубился на нашу территорию, и остановить его было нечем. И тогда Рома подбежал к танку и в упор выстрелил в него из двустволки! Танк остановился, открылся командирский люк, и высунувшийся оттуда грузин постучал пальцем по виску и воскликнул «Ты что, е…улся?».

Из разговора выяснилось, что и они идут в разведку, но намного левее и позже чем я, под самый рассвет, так как местность позволяла передвигаться скрытно даже днем. Расстались безо всяких громких слов и пожеланий. Уходя, я глянул, во что они были обуты. Миша был в ботинках, нормально, а вот высокие резиновые сапоги Ромы мне не понравились. Мы уже знали, что делает мина с ногами бойцов, в зависимости от того, в какой он обуви. Чем выше голенище, тем тяжелее рана и наоборот. Хотя выбор-то, какой был? Что имели, то и носили.

Я ушел вправо и уже через 15 минут был на нейтралке и начал двигаться тихо. Глаза привыкли к темноте, и местность

я различал хорошо. Деревья и кустарники закончились, я шел в высоком мокром от росы папоротнике по склону вниз в сторону моста. До места, которое я себе выбрал еще днем, оставалось около 200 метров, как вдруг слева услышал глубокий вздох, будто человеческий. Присев, начал слушать. Опять вздох и следом непонятные шорохи. Медленно пошел в сторону звуков, и через десяток шагов наткнулся на корову, которая лежала на земле. Она, подняв голову, смотрела на меня. Хоть ночь была и безлунная, я увидел, что по морде, в два ручья текли из глаз слезы, оставляя черные борозды. Видно, что она тут давно лежит, потому, что вокруг, куда она могла дотянуться, вытянув шею, все было съедено. Потом разглядел неестественно подвернутые передние ноги, черную, пропитанную кровью землю, и подумал, что это не от мины, скорее пулевое или осколочное. Миной напрочь бы оторвало ноги, да и сердце там близко, коровье. Убило бы сразу. Все как-то некстати, тут разведка, а ее жалко, надо добить, а нечем, нож тупой, и стрелять нельзя. Да и времени в обрез уже… Может, добить при отходе? А если разведка окажется удачной и место пригодится для вылазки, то стрелять не получится, засвечу. Наверное, придется вернуться к корове уже после задания, раздобыв хороший острый нож. С этими мыслями я осторожно двинулся дальше, к намеченному месту. Место я запомнил, благо недалеко стояла высоковольтная мачта.

Трасса и блокпост на мосту уже просматривались, до них метров может сто-сто пятьдесят, теперь нельзя было следить по росе, лег ничком и, по заранее примеченным коридорам, которые зайцы проделывают в папоротниковых зарослях, пополз вниз-вперед. Днем я хорошо рассмотрел эти ходы, а еще запомнил цвет папоротника, густо красно-коричневый. Через некоторое время я был на месте, внутри своеобразного тоннеля из слежавшегося папоротника. Прямо передо мной трасса, может метров 70, до моста рукой подать, справа река Тоумыш, слева грунтовая дорога, что ведет на

Ануаа-рху. Подстелил под себя ОЗКа, выложил письменные принадлежности, часы и стал ждать рассвета. Устроился удобно, надолго, вот только лежал головой вниз, склон все же. Кругом была тишина, только на блокпосту иногда раздавались смутные звуки. Перед мостом, со стороны Кындыг стояла пара легковых машин. Никто не рисковал проезжать эти места ночью, тем более в одиночку, ждали утра. И странное дело, пока находился на Ануаа-рху, заметил, что, когда проезжали мирные, они ехали медленно, иногда даже опустив окна и высунув какую-нибудь тряпицу. Верили, что наши в них стрелять не будут. Их и не стреляли, пропускали. А военные, те же грузины, пытались проскочить на полном ходу, да еще и стреляя изо всех окон! Конечно, мало кто сумел проскочить. А можно же было, раз приспичило проехать перед Ануаа-рху, схитрить, притвориться мирными, помахать тряпицей?

Наконец, стало светать. Я с нетерпением ждал этого, так как, с наступлением утра кусты папоротника начинали парить, испарялась ночная роса, и этим я обычно пользовался, чтобы покурить, не опасаясь, что засекут дым от сигареты. К концу перекура вокруг все приобрело четкость, и чуть левее увидел понтонный мост, стандартный, армейский. В его начале находилось что-то типа баррикады, и торчала пара голов. Прямо посреди моста стояла незамеченная мной до этого «Волга» со спящими пассажирами, а дальше, вниз по течению реки виднелся взорванный и рухнувший обоими пролетами в воду основной мост. Центральные опоры были разнесены в клочья. А еще ниже, там, где река заворачивает влево, еще один взорванный мост! Видно было, что грузинские саперы в этом месте, чтобы восстановить движение своих войск на Сухум, в срочном порядке сделали объездную дорогу. Да, картина была впечатляющая! Тут наши сильно поработали. Мне говорили, что этот мост катрановцы взорвали рано утром 15 августа, а 17-го врезали по скопившейся колонне, что на двигалась на столицу. А во-

обще, за время войны эту переправу взрывали регулярно, кажется раз пять.

Правее от объезда стояла Кындгская ферма с заложенными окнами, а центральный вход был перегорожен цистерной от бензовоза. Постепенно двор перед фермой наполнился солдатами, часть из них была одета в непривычно короткие, выше колен шинели, остальные в куртках афганках. Трое или четверо двинулись к мосту, видимо на смену тем, кто караулил ночью, еще несколько человек, вытянувшись в колонну, двинулись по левой стороне трассы в сторону Кындыг. Через каждые 50-60 метров один или двое из колонны сходили с дороги влево, останавливались, стреляли одиночным в воздух и как сквозь землю проваливались. Стало ясно, что они занимали позиции вдоль дороги только днем, и что ночью там никого нет. А стрельбой давали знать, что на месте. Значит, подходы справа вероятнее всего заминированы. Это было как раз то, из-за чего я тут находился. Обзора вправо у меня, по мере продвижения колонны становилось все меньше, и я, рискуя быть увиденным в своей черной куртке, на фоне красных папоротников, встал на четвереньки и, аккуратно высунувшись, пытался рассмотреть, где займут позиции последние пары. Примерно рассчитав, когда это может произойти, я выглянул так, чтобы увидеть нужное и не слишком долго самому оставаться на виду. Оставались секунды, и я бы имел полную картину, как вдруг, слева от меня, метрах в трехстах рвануло. От неожиданности я бросился наземь. Звук был тот самый, противный и ненавистный, звук взрывающейся противопехотной мины. И тут же застучали выстрелы. Враз вспомнил Рому и Мишу, подумал – попались! Хана им. Теперь, один тяжело ранен, другой может тоже, но легче, может лицо посекло, а может контужен. Друг друга не бросят, не вариант. Теперь тащи раненного, его оружие, наши далеко, а грузины рядом, прибегут на звук хватать в плен, обоим выжить шансов нет, нужно

чудо. Одному еще может быть, но Рома не бросит, и Миша не бросит. И в плен не дадутся. Хана ребятам.

А мне что теперь делать? Надеяться отлежаться до ночи, а потом уйти глупо, наверняка прочешут ближайшие окрестности и найдут. А может, просто начнут стрелять по всему склону и банально убьют. Только и найдут что через недельку по запаху твоему… А пострелять без дела они большие любители, всех лягушек в округе перестреляли, а тут вон, какой повод… И не надо быть ясновидящим, чтоб понять, что на блокпосту все уже начеку и во все глаза пялятся на склон и заросли перед собой.

Пока лихорадочно думал, лежа на левом боку автоматически рассовывал вещи по карманам, закинул бинокль за спину, взял в руки автомат, поставил флажок предохранителя на стрельбу очередью и начал наблюдать за грузинами, что на ферме. Они, услышав звук взрыва, остановились, потом как-то медленно, нерешительно, а потом все быстрее и быстрее начали двигаться, забегать и выбегать из фермы уже при оружии. Кто на ходу лифчик через голову накидывал, кто броник, на головах появились каски, сферы и несколько из них, вот так на ходу одеваясь и перекрикиваясь, побежали по склону вниз, к броду, в сторону Ануаа-рху, туда, где сработала мина.

Тут опять, с той стороны, где рванула мина, затрещали очереди, сосредоточенно, будто кого- то увидели и нащупывают… Ну, все! Надо уходить и с музыкой! Вскочил на ноги и повел огонь короткими очередями по той группе, что уже спускалась к броду, потом перевел на тех, кто от фермы бежал. Вел огонь, целясь корпусом, не до мушки и целика было. Решил один магазин отстрелять и потом удирать, а он целую вечность не кончался. По уму, стрелять надо было изначально по блокпосту, для меня они были опаснее. Перевел огонь туда, с трудом дождался, когда молнией мелькнули трассеры, и резво побежал вверх…

Газета «Республика Абхазия» от 10.10.2014

Когда каждый прожитый на войне день – подвиг

30 сентября – День Победы народа Абхазии. Так часто бывает: долгое время общаешься с человеком, дружишь с ним и, кажется, вроде всё о нём знаешь… А в итоге оказывается, что ты ничегошеньки о нём не знал! С Дауром Зантария – Дымом – меня познакомил мой друг Даур Зантария – писатель и поэт. Однажды он привел к нам домой мужчину среднего роста, с рыжеватыми волосами, плотно сбитого:

– Знакомьтесь! Мой полный тёзка, но все зовут его Дым!

Вышла на кухню минут на пять, возвращаюсь – мои дети в прямом смысле слова повисли на новом госте, что-то ему рассказывают, показывают свою комнату.

– Отстаньте от человека! – говорю им. – Не надо, не ругай их, всё у нас нормально, – по-свойски кивнул мне Дым. Так и повелось: приходят оба Даура, один что-то рассказывает, играет в нарды, второй возится с детьми и при этом ещё умудряется контролировать, чтобы проигравший в нарды выполнял условия: лез под стол и кукарекал… И все мы вместе, затаив дыхание, слушаем байки Даура. Иной раз Дым не выдерживал: «Ну, тут ты на сто процентов приврал…». А писатель Даур, ничуть не смущаясь, отвечал: «Есть маленько…». Потом оказалось, что и Дым – великолепный рассказчик: он знал множество замечательных историй и вообще мог увлекательно говорить на любую тему. В конце концов, у меня сложилось впечатление о нём как об умном, начитанном и очень простом в общении человеке. Краем уха слышала, что Дым ушел с преподавательской работы в

АГУ и теперь служит в Отдельном полку внутренних войск, но в подробности тогда не вдавалась. И лишь когда он принес моему сыну на память нагрудный значок грузинского гвардейца, удивилась: откуда, мол? – В гости к грузинам ходил за Ингур, и там мне «выдали», – пояснил Дым. А потом началась война… Тогда самым страшным было получать вести о раненых и погибших, особенно больно и страшно становилось, когда гибли близкие. Весть о том, что Дыма больше нет, нас всех потрясла: такой на вид тихий, спокойный, а оказалось, был отличным командиром…

После войны я стала выяснять, прежде всего у однополчан Дыма, каким же он был на фронте, но все рассказы были настолько скупы, что общей картины у меня так и не сложилось. Вот и на этот раз в беседе со мной ветераны, воевавшие вместе с Дауром Зантария, – Валера Зантария и Гашек Адзынба, были немногословны… Поэтому я привожу полностью воспоминания их обоих – как каждый увидел и почувствовал пережитое. Вот что рассказал Валерий Зантария, ополченец, воевавший в группе «Катран»:

– После событий восемьдесят девятого года по поручению Председателя Верховного Совета Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинба был создан Отдельный полк внутренних войск, или, как его называли в народе, Абхазская гвардия. Тамышцы записались в неё в числе первых, и, конечно, среди них был Дым Зантария. События раскручивались стремительно, но большинство из нас и мысли не допускали, что может быть война, что будут жертвы… А в гвардии знали, что война будет, и готовились к ней. Накануне начала грузино-абхазской войны, 13 августа, у нас в селе проходил сход представителей фамилии Зантария: встречали однофамильца из Турции. К трем часам ночи подъехал Заза Зантария и говорит: «До утра если война не начнется, то Зазой меня не называйте!» И действительно, утром 14 августа грузинские войска вторглись на территорию Абхазии. Как сейчас помню: по дороге движутся танки, «Икару-

сы», переполненные грузинами в тельняшках, из окон автобусов торчат стволы автоматов… А Дым сел с ребятами в машину и поехал в Агудзеру, в расположение батальона полка внутренних войск – там ведь было оружие. К обеду, несмотря на то что по центральной трассе непрерывно сновали войска госсовета, наши ребята во главе с Дымом привезли один гранатомет и десять снарядов к нему, шесть автоматов и по три магазина к каждому. К этому времени тамышская молодежь собралась у железнодорожной станции: конечно, среди них были и члены полка внутренних войск, но большинство не знали даже, с какого боку подступиться к оружию. – Было решено создать группу ополчения, – продолжает Валера Зантария, – и Дым Зантария стал нашим первым командиром (позывной у него был «Майор»). В первый же вечер он предложил взорвать Тамышский мост на центральной трассе, чтобы приостановить движение грузинской армии к Сухуму. Из Ткуарчала привезли аммонал, заложили сколько нужно, и в назначенный час грохнуло. Но, увы, колонну грузинских войск удалось задержать всего лишь на три дня. Позже мы узнали и ещё об одном важном и дальновидном совместном решении Дыма, Зазы и Аслана Зантария: рядом с домом Степы Зантария они устроили схрон с оружием, которое потом нам ой как пригодилось.

– Хочу подчеркнуть еще одно, – уточняет Валера, – партизанское движение в нашем районе началось именно благодаря Дыму Зантария. Под командованием Аслана Зантария была воссоздана группа с привычным уже нашему слуху названием «Катран», и все тамышские ополченцы в нее влились. Кроме нас, тамышцев, в неё вошли также ребята из Кындыга, Атары Абхазской, Адзюбжи и других сел. – Как таковой линии фронта тогда не существовало, и боевые позиции невозможно было обозначить. Около полутора месяцев мы, тамышцы, хорошо знакомые с местностью, хоть и находились в тылу врага, но под ко-

мандованием Дыма контролировали центральную трассу, взрывали мосты и железнодорожные переезды, минировали дороги. Мы предпринимали отчаянные вылазки, из которых приносили трофейное оружие и боеприпасы. Нередко нам удавалось вывести из зоны боевых действий стариков, женщин и детей. Потом мы переправляли их в Ткуарчал. Одним словом, мы как могли досаждали врагу и сдерживали передвижение его войск. – В октябре на Восточный фронт прилетел Мушни Хварцкия, – продолжает рассказ Валера Зантария. – Вместе с Зазой и Дымом они разработали план, по которому предполагалось сделать высоту Ануаарху основной боевой точкой, ведь с неё вся округа была как на ладони. Не зря потом грузины назвали те места Долиной смерти.

Мы рыли окопы, строили блиндажи, дзоты – и вручную, и с помощью трактора, а потом, как следует обустроившись, начали массированный обстрел грузинской военной техники и машин с солдатами. За недолгий период бойцы из группы Дыма вывели из строя больше десяти единиц бронетехники, а один танк нам даже удалось поднять на Ануаарху. Вначале на высоте находились группы из пяти сел, но с началом боев за Кочару большая часть бойцов была переброшена туда. На Ануаарху остались лишь бойцы группы «Катран». – Дыма очень беспокоило, что не все понимали: война – не игра. Он требовал от бойцов дисциплины, но мы же – не кадровые военные; что скрывать, бывало, и выпивали на позициях, а некоторые вообще могли уйти домой спать… Однажды Дым отдал приказ расстрелять бойца, пойманного на мародерстве. Авторитет командира был так высок, что ополченцы уже были готовы подчиниться беспрекословно. И хотя Дым в последний момент свое решение отменил (каждый солдат был дорог!), случай этот для многих послужил серьезным уроком. Больше всех доставалось брату Дыма, Роберту. Дым был твердо убежден, что самая малая поблажка близкому человеку дурно отзовется на

дисциплине всего подразделения. И прав был, конечно. – Для Дыма не существовало критических ситуаций, я никогда не видел, чтобы он растерялся, не знал, как поступить,– говорит Валера. – Его команды всегда были четкими и верными. Иной раз я удивлялся, как он – историк, ученый, а по сути своей обычный крестьянин – за полтора года службы в полку внутренних войск обучился военному искусству, да так, как будто это было делом всей его жизни. Наверное, военный талант – в крови у абхаза. – Дым никогда не прятался за спины ребят, он ведь не в штабе сидя командовал. Всегда шел впереди: сам закладывал мины, устраивал вылазки и засады. Не забывал и о тыловом обеспечении: на Ануаарху, между прочим, кормили не только нас, но и людей, которые там остались жить, – семьи Церетели, Ануа и другие. – Ноябрьские засады нам давались очень тяжело. К тому времени у грузин было уже много и военной техники, и боеприпасов, и солдат… Ануаарху стала для них как кость поперек горла. Был разработан специальный план по её захвату. А у нас – то ли разведка своевременно не сработала, то ли ещё была какая-то причина, но с 1 на 2 декабря кольцо вокруг высоты стало сжиматься… Посреди ночи один боец почему-то вышел из окопов, и грузины стали его обстреливать. Дым вышел за ним, чтобы вернуть, и в него – прямое попадание снаряда из подствольного гранатомета… Наш командир долго был в сознании, но сразу отправить его к врачам у нас не было возможности. В итоге Заза Зантария повез его на БМП. Дым скончался по дороге, и пока был жив, всё семью вспоминал… Он ведь даже не видел своих с начала войны, в то время как другие позволяли себе порой ночевать дома. Нелепая смерть из-за чужой глупости… – Мы получили команду оставить Ануаарху, когда до грузин оставалось метров двести. Только после того, как мы потеряли отличную боевую позицию, до некоторых стало доходить, что происходящее – настоящая война, а не прогулка грузин к морю, – считает Валера.

Встретилась я и с командиром джгердской группы Гашеком Адзынба. Рассказывая о Дыме, этот уже поседевший солидный мужчина внешне выглядел спокойно, но какая печаль была в его словах и глазах! – Я знал Дыма задолго до войны как абсолютно мирного человека, – стал вспоминать он. – Я был просто поражен, увидев его в первые дни войны: перед нами был настоящий воин, настоящий командир. С самого начала боевых действий до своего последнего вздоха Дым был в окопах: и в разведку ходил, и во всех вылазках и боях принимал участие. Он пользовался большим авторитетом, ему беспрекословно подчинялись бойцы, и прежде всего потому, что Дым никогда не прятался за спины, всегда шел впереди. Думаю, он и правда ничего не боялся. Он хоть и не отличался каким-то особым богатырским телосложением, но мог из положения лежа, прямо с земли, как акробат, подпрыгнуть и встать на ноги. Во время войны мы с ним очень сблизились; в одном окопе, считай, были постоянно… Дым часто говорил: «Ты Тамыш не знаешь, а мне здесь каждый закоулок знаком», – и шел первым – вперед. Помню 20 октября. Мы были рядом. Наблюдали, как по центральной трассе шла грузинская техника. Молодой парень лет шестнадцати из наших не выдержал и выстрелил без команды… Завязавшийся бой продолжался до поздней ночи. Стволы наших с Дымом автоматов раскалились докрасна. Утром мы увидели результаты своих «трудов» – много трупов, несколько подбитых машин и БМП.

Начитанный, грамотный, он часто сыпал цитатами… И всегда к месту. Любил пошутить. 6 октября у него был день рождения, и я его спросил: «Ты что такой веселый?»

А Дым сказал: «Я, Гашек, сегодня, считай, дважды родился!» Оказывается, один боец поднялся на вышку и начал стрелять в грузин. Они открыли ответный огонь, и боец побоялся идти вниз. Тогда к нему на вышку поднялся Дым и, прикрывая собой, помог спуститься. – Или вот ещё случай, – оживляется Гашек. – Как-то Дым пропал на целый день, воз-

вращается расстроенный: «Никак не могу наших абхазов приучить к дисциплине! Сегодня подрались двое в окопе, я пошел жаловаться на них Аслану Зантария. Уверен был, что он меня поддержит и накажет нарушителей, чтобы другим неповадно было. А Аслан сказал: «И что здесь криминального? Какой ты, Дым, глупый: в окопах всё должно быть, в том числе и драки. Они снимают стресс...» – Был и такой момент: мы взорвали мосты, заблокировали трассу, и на несколько дней Тамыш стал полностью нашим. Естественно, люди расслабились. Идём мы ночью по селу – Дым, я и ещё несколько человек, и вдруг кто-то начинает нас обстреливать. И мощно так... А ведь в Тамыше вроде все должны быть свои... Тут Дым говорит: «Наверняка, это мои балуются!» Заняли круговую позицию, затаились... Когда стрелки подошли вплотную, мы взяли их в кольцо. Оказалось, действительно – несколько бойцов «Катрана» развлекались... Дым спросил: «Почему без разрешения ходите по селу, да еще и стреляете?» А те ему: «А кто нам по родному Тамышу гулять запретит?!»

Пришлось Дауру с ними разобраться – надавать как следует и разоружить. Гашек Адзынба продолжает говорить, и лицо его становится суровым: «В какой-то момент Мущни Хварцкия отозвал из нашего подразделения джгердскую группу. Шли бои за Кочару, и нам было приказано закрепиться недалеко от трассы, метрах в 500... Мы находились там с 28 ноября до 2 декабря. Помню, ночью вызывает меня Мущни: «На Ануаарху идет жесточайший бой, возвращайтесь! Ваше место там!» – Группой человек в 30 выдвинулись к высоте. Когда поднимались на неё, навстречу мчался БМП. Едва не сбил нас. Оказалось, на нём Заза вёз умирающего Дыма... Не довез... А дело было так: грузины имитировали атаку, и один из молодых бойцов по глупости вышел из окопа. Его тут же ранили. Он закричал: «Дым, спаси!» Тот, естественно, стал его вытаскивать, и тут же в него – прямое попадание. Спасенный им парень по сей день живой,

а Дыма нет… Я даже не смог попрощаться с ним… Столько лет прошло, но боль утраты так и не утихла. Мало того, к ней добавилась ещё и горечь из-за нелепой гибели сына Дыма – Лаши. Очень светлый мальчик был, и его, вне всяких сомнений, ожидало большое будущее… Незадолго до унесшего его трагического случая мы с ним встретились в одной компании, и за столом были рядом. Лаша рассказывал о службе в спецназе, о том, как ему поначалу было тяжело, как он боялся, что не выдержит, сдастся, все бросит… Я и сегодня словно слышу голос: «Дядя Гашек, если опять будет война, то это будет пострашнее, чем у вас с отцом. Поэтому нам, абхазам, обязательно надо иметь свою армию, свой спецназ». …Ну вот, пожалуй, и всё, что рассказали мне ветераны о Дыме… Кто-то скажет: действительно, мало, скупо… Но чтобы рассказать о человеке, у которого каждый прожитый на войне день – ПОДВИГ, много слов не нужно… Очень жаль, что практически нет фотографий Дыма на войне… Лишь раз к ним приезжала съемочная группа и сняла небольшой видеоматериал… На экране Дым в окопе, с неизменным грузинским гвардейским значком на военном бушлате… Он поворачивается лицом к нам, ЖИВОЙ! Улыбается по-свойски… И его добрая улыбка рвёт сердце…

Дым Зантария – командир от Бога, один из первых получивший звание Героя Абхазии… Посмертно… Мой ровесник, мой друг… Мне так не хватает тебя, как и других безвременно ушедших, с которыми в предвоенные годы меня связала дружба…

Наталья ШУЛЬГИНА

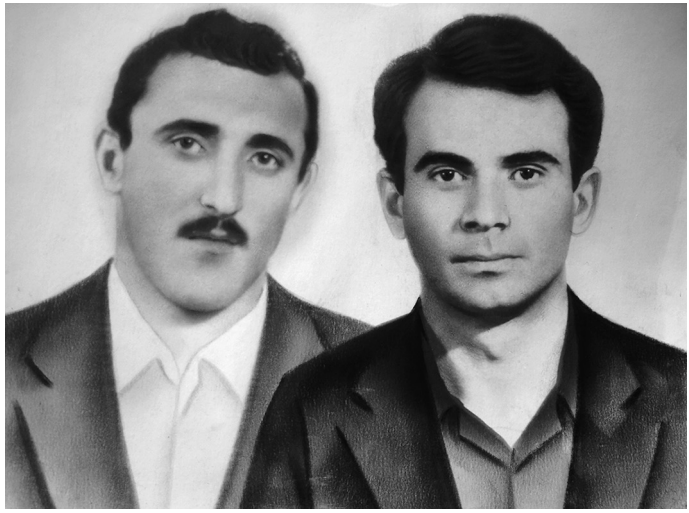
Газета «Республика Абхазия»
10.10.2014 г.

Заза Зантария

Аслан Зантария

Астамур Зантария

В. Г. Ардзинба вручает награду матери героев Зантария – Р. Т. Амичба



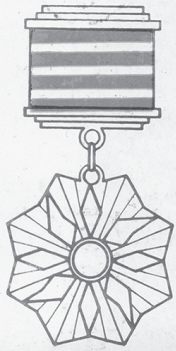
Аслан и Заза Зантария

Заза Зантария

Заза Зантария среди однополчан

333

АЦСНЫ
АФЫРХАЦА



ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ
ГЕРОЯ АБХАЗИИ
посмертно
Указом Президента
Республики Абхазия

ЗАНТАРИЯ
Астану /Зазе/
Ивановичу

№ 80
от 28 сентября 1993

г. Сухум

Президент Республики Абхазия
В. Ардзинба

АЦСНЫ
АФЫРХАЦА

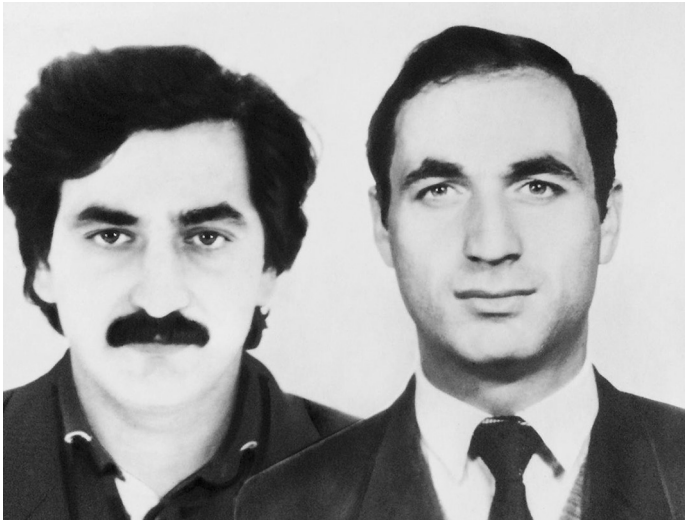
ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ
ГЕРОЯ АБХАЗИИ
посмертно
ПОСТАНОВЛЕНИЕМ
ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

ЗАНТАРИЯ
АСЛАНУ ИВАНОВИЧУ

№ 202-п
от 21 июля 1993 г.

г. СУХУМ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
ВАРДЗИНБА



Степан и Семён Зантария

Даур (Дым) Зантария

Заза Зантария среди участников Тамышского десанта

Аслан Камкия

Резо Кортава

Вахтанг (Тарзан) Пилия

Беслан Папба

Заза во время получения разведданных

Аслан Зантария

Заза Зантария

85

Аслан Зантария среди студентов Литературного института им. А.М. Горького (рук. семинара – Д.К. Чачхалиа)

Заза Зантария. г. Южно-Сахалинск

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога..... 5
Опальный боец, командир..... 7
Боевая операция 16
Пытливый интерес к знаниям 19
Высадка Тамышского десанта 22
Заза и Мушни.....29
Друзья -товарищи.....31
Вместо эпилога.....42
Зантария Астан (Заза) – Герой Абхазии.....45
Зантария Аслан – Герой Абхазии 47
Зантария Степан – Герой Абхазии 48
Зантария Даур – Герой Абхазии.....50
Зантария Семен – Герой Абхазии 50
Зантария Астамур Иванович 51
Камкия Аслан Нурбеевич 51
Папба Беслан Арвелодович 52
Кортава Резо Серапионович.....52
Рассказ "Об Аслане Камкия" 53
Газета «Республика Абхазия» 68

Компьютерная верстка И. Гулиа

Формат 84x108 1/32. Физ. печ. л. 2,75.
Усл. печ. л. 4,62. Тираж 100. Заказ № 19.

Отпечатано в РУП «Дом печати»,
г. Сухум, ул. Эшба, 168.